

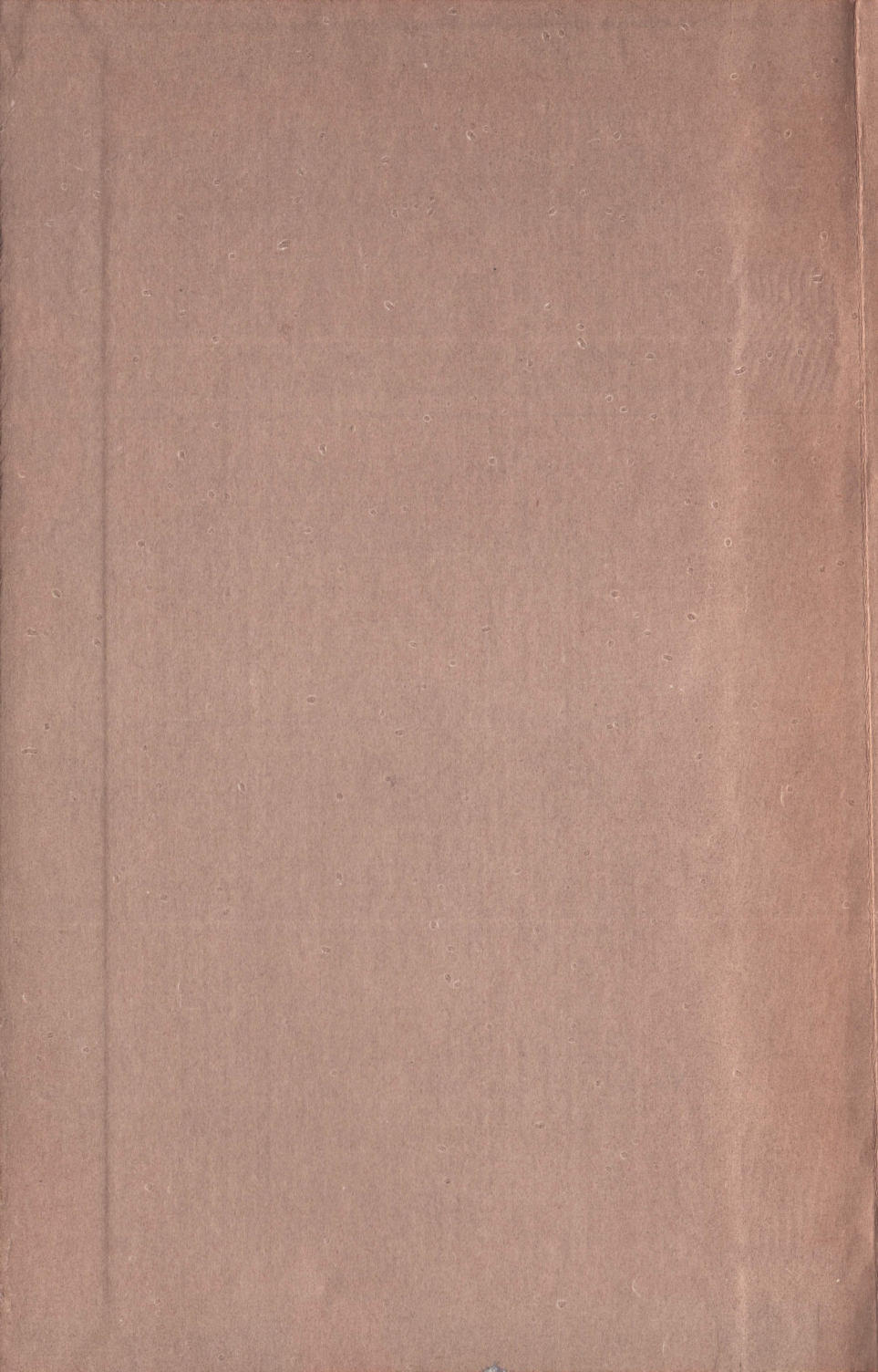

Борис Шустров

КРАСНО СОЛНЫШКО

Издательство
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

Борис Шустров

КРАСНО СОЛНЫШКО

П О В Е С Т Ь

*Рисунки
В. Штаркина*

МОСКВА, «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Шустров Б. Н.

Ш97 Красно солнышко: Повесть/ Худож. В. Штаркин.— М.: Дет. лит., 1978.— 96 с., ил.

В пер.: 30 к.

Повесть о жизни современной деревни, о пионерских делах, о высоком нравственном долге красных следопытов, которым удалось найти еще одного героя Великой Отечественной войны.

Ш $\frac{70803-405}{M101(03)78}$ 275—78

P2

Глава первая

Письмо

Венька Захаров, одетый в темные отглаженные брюки и белую рубашку, на которой алел пионерский галстук, вышагивал по деревенской улице. За ним, мелко перебирая короткими лапами, бежал Индус, щенок непонятной породы, лопоухий, с отвислым круглым животиком, верный Венькин друг. Индус крепко провинился перед хозяином — придушил соседского цыпленка, — получил по заслугам, а потому бежал вначале с опаской, то и дело останавливаясь, но, видя, что Венька не обращает на него внимания, а быть может, уже и простил, затрусил, как и обычно, уверенно и преданно, шаг в шаг хозяину.

Было жарко. Спасаясь от жары, лежали под плетнями куры, зарывшись в густую пыль. Ему бы, Веньке, мчаться теперь на речку, барахтаться в прохладной воде, а он шел по улице Студеной — так называлась деревня — с серьез-

ным деловым видом, в белоснежной рубашке, в надраенных ботинках и с пионерским галстуком на груди. И не удивительно, что участковый старший лейтенант милиции Вахрамеев Мирон Евсеич, заметив парнишку, остановился.

— Здравствуйте, Мирон Евсеич,— вежливо сказал Венька.

— Здравствуй,— не сразу ответил участковый и проводил мальчика долгим взглядом.— Слышь, Трофимовна,— обратился он к пожилой женщине, стоявшей у колодца.— Сынок-то Анюткин... Глянь-ко!

— Да уж и то смотрю,— откликнулась Трофимовна.

— При галстукке... Сбор у них, что ли?

— Не должно. Мой никуда не собирался. Да и каникулы!

— Каникулы,— повторил Мирон Евсеич, все еще глядя вслед мальчику.

Трофимовна взялась за ведро. Заскрипев, повалился журавль, одним махом перечеркнув солнце и часть неба. Мирон Евсеич отвел глаза от паренька и пошел дальше, через минуту обернулся, но Веньки уже не было.

Проходя мимо покотины, на которой играли в футбол, Венька не выдержал, приостановился. Вел мяч Валька Чебыкин, высокий, веснушчатый паренек с копной густых медных волос на голове, закадычный Венькин дружок. Он ловко обыграл одного мальчишку, второго, а третий подставил ему ногу, и Валька кубарем покатился по зеленой траве, успев, однако, каким-то чудом ударить мяч головой. Мяч попал в «штангу» — два кирпича, поставленные друг на друга,— и откатился за «ворота».

— Пенальти! — закричал Валька, схватил мяч и начал отсчитывать одиннадцать шагов.

— А вот и нет! — возразила Галинка Стрепетова.— Ты упал здесь, а штрафная кончается здесь!

— «Здесь, здесь»,— пробурчал Валька, устанавливая мяч.— Вставай в ворота!

— Близко очень,— сказал один из мальчишек.

— А ты в прошлый раз откуда бил? Отсюда! Вставай!

Галинка отсчитала одиннадцать шагов, делая их как можно бóльшими, взяла мяч и поставила его на новое место.

— Да здесь все двадцать! — закричал Валька и переставил мяч поближе.

Спор разгорелся не на шутку, и, конечно, громче всех кричала Галинка Стрепетова. Она была хоть и худенькая, тоненькая, но горластая и такая упрямая, что еще не было случая, чтобы ее кто-то переспорил, а потому Валька махнул рукой и согласился бить с «Галинкиного» места. В «ворота» встал мальчишка, тот самый, что подставил Вальке ногу. Валька не спеша отошел, посмотрел на вратаря, на мяч и уже совсем приготовился бить, но, машинально кивнув взгляд в сторону, увидел Веньку и удивленно присвистнул.

— Эй, Венька! — крикнул он. — Куда это ты вырядился?!

Венька не удостоил друга ответом и зашагал дальше.

— Смотри ты! — протянул Валька. — Идет, как пишет... Куда это он, ребята?

— Галстук нацепил,— сказал кто-то.

— При полной парадной.

— Может, в город?

— Пешком? Автобус-то тю-тю! Давно ушел!

— А я знаю! — крикнула Галинка. — Знаю, знаю, знаю! — запела она. — Знаю, да не скажу!

Валька разбежался, ударил, мяч пролетел далеко-далеко вправо от «ворот» и звучно шлепнулся в круглое болотце.

— Эх, Валька,— вздохнул один из мальчишек,— я бы в жизнь не промазал!

— Нечего было спорить! — закричала Галинка.

Валька, потеряв всякий интерес к игре, подошел к

годовой сестренке, которая сидела поодаль, играла куклой, поднял ее на руки и зашагал прочь. Играть без Вальки, лучшего форварда, стало неинтересно.

— Галинка,— спросил один из мальчишек,— а правда, куда Венька такой... Нафуфыренный?

— Не знаю.

— А болтаешь...

Кто-то предложил искупаться, и мальчишки с криками понеслись к речке. Галинка постояла немного, потом побежала следом.

Тем временем Венька уже поднимался на широкое крыльцо избы Настасьи Башариной, костистой угрюмой старухи, прозванной на деревне за свой высокий рост «Верстой». Венька тщательно вытер ноги о цветастый половик и зашел в сени. Индус улегся возле крыльца, терпеливо готовясь ждать хозяина. Венька постучал. Ответа не последовало, и он открыл дверь. Настасья доставала из печки чугунок.

— Здравствуйте, тетка Настасья! — громко поздоровался Венька.

Верста оглянулась, недобро, сверху осмотрела паренька, на приветствие не ответила.

— Я к вам по делу,— продолжал Венька и покашлял в кулак.

— А ну пошел отсюда,— хмуро приказала Верста.

— Я это... По важному делу,— опешил мальчик.

— Галстук носишь! Не стыдно? А? Пионер-ер...

— Чего вы, тетя...

— «Те-етя»! — передразнила Верста.— Оглажу ухватом, тогда будет тебе тетя! Не успела чугунок на плетень вывесить, на-ко, свистнули!

— Кто свистнул-то? — озлился Венька.

— Ваш брат. Пионер. Не ты, так другой такой же. И чугунок-то совсем новехонький, а они его в утиль! Пошел, пошел!

— Надо сначала узнать, кто свистнул! — крикнул Венька, опасливо косясь на ухват и на всякий случай приоткрывая дверь.

Настасья резво с ухватом побежала на паренька. Венька мигом очутился на воле, скатился с крыльца, подождал немного, готовый в любой момент дать стрекача, но Верста не вышла.

— Во, Индус, я к ней по важному делу, а она... — пожаловался он своему четвероногому другу, вытащил из кармана твердый белый конверт и вздохнул.

Индус повилял хвостом, потерял о ноги хозяина и тоненько тьякнул: мол, шагай, не бойся, я с тобой. Венька вернулся, приоткрыл дверь в избу и сказал:

— Я насчет мужа вашего. Степана Ивановича.

Настасья медленно обернулась и каким-то испуганным, не своим голосом спросила:

— Што? — Потом торопливо поставила ухват и быстро заговорила: — Да ты заходи, Веня, заходи! Заходи, милоч, в избу-то.

И когда Венька зашел, она вопросительно и ждуще, сложив узловатые крупные руки на фартуке, уставилась на него.

— Красный следопыт я, — строго сказал Венька.

— Это как понимать? — осторожно задала вопрос Настасья.

— Неужели не слыхали? О них и по радио говорят, и в газетах пишут, и по телевизору показывают.

— Не слыхала. Некогда мне в телевизор глядеть. То в поле, то по хозяйству. Сам знаешь.

— Красные следопыты — это, значит, мы, пионеры то есть. Разыскиваем героев войны, — несколько сумбурно пояснил Венька.

— Героев, — безнадежно повторила Настасья.

— И без вести которые пропали — тоже.

— И находят?

— А как же! — Венька вытащил конверт и протянул старухе. — Из Министерства обороны.

Настасья вытерла руки о фартук, взяла конверт, осмотрела со всех сторон и отдала мальчику.

— Читай, Веня. Чего-то руки дрожат...

Венька достал из конверта лист бумаги, развернул и прочел:

— «Уважаемый тов. Захаров! По поводу Вашего запроса сообщаем, что старший сержант Башарин С. И. был призван в ряды Красной Армии 23 июня 1941 года. В списках погибших не числится. Управляющий делами майор...» — Венька поднял глаза на старуху. — Дальше закорючка.

Настасья взяла у мальчика письмо, шевеля губами, перечитала его, вздохнула.

— Захаров-то кто такой?

— Вы даете, тетка Настасья... Я! Кто же?

— И правда закорючка... Ой, Степан, Степан... Теперь опять ночь не спать. Растревожил ты меня, парень. Ох, господи... Не числится. Пропал. Без вести пропал мой Степа. Ни слуху ни духу... Писала я, парень, везде писала. Так вот и отвечали. Не числится, мол...

— Будем искать, — сказал Венька.

— Мне бы на могилке Степановой побывать. Поплакать бы, пожалобиться...

Настасья всхлипнула и стала тереть фартуком вмиг набрякшие глаза.

— А вы «чугун», — хмуро произнес Венька. — Нужен мне ваш чугун...

— Ладно, ладно, — торопливо ответила Настасья. — Я ведь так. Бог с ним, с чугуном-то...

— Значит, так, — решительно сказал Венька. — Мне нужны материалы.

— Какие материалы?

— Письма, фотографии. И вообще...

Настасья встала, подошла к красному углу и вытащила

из-за иконы газетный сверток, туго обернутый пожелтевшим от времени бинтом.

— Всё тут,— сказала она, выкладывая на стол небольшую стопку писем-треугольников.— Двенадцать штук. Не любил расписывать Степан Иванович. Он у меня, Веня, был мужчина строгий. Молчун. Бывало, и день молчит, и два, а уж если скажет, как обрежет. А письма писал душевные. Фотографий, Веня, нету. Не присылал их Степан Иванович...

Венька сел к столу, придвинул письма, вытащил авторучку, блокнот и развернул первый треугольник. Вид у паренька был до того сосредоточенный и серьезный, что Настасья тихонько отошла в сторону, вытащила из печки сковороду, а когда ненароком стукнула ухватом, оглянулась — не помешала ли? Потом она присела у окна и стала смотреть на Веньку, который, читая письма, нет-нет да что-то и записывал себе в блокнот.

— Читай, Веня, читай,— поднимаясь, сказала Настасья.— Я мешать не буду.

Она вышла на улицу и села на ступеньку крыльца. Индус приподнялся, равнодушно глянул на старуху и снова улегся.

Да-а, растревожил Настасью Башарину красный следопыт Венька Захаров... Давно миновали те времена, когда Настасья, уткнувшись в подушку, неслышно плакала по ночам, стараясь не разбудить детей своих, четырнадцатилетнего Мишку и маленькую Зину, давно... Но вот появился Венька, и припомнился Настасье Степан, живой. Много похоронок пришло за время войны в Студеную, а она, Настасья, ничего не получила. Пропал человек, словно в воду канул. В первые послевоенные годы все еще надеялась Настасья, что придет Степан, на каждый стук в калитку вскакивала и бежала к окну. И радовалась, и боялась Настасья Степанова прихода, боялась потому, что не уберегла старшего, Мишку: утонул Мишка в августе сорок

пятого года. И хотя не было никакой материнской вины в смерти сына, все равно Настасья считала себя в чем-то виноватой. Сколько слез она выплакала, сколько горя приняла, знает лишь она одна. Зря радовалась Настасья, зря боялась — не пришел Степан...

У калитки остановилась худенькая старушка, долго смотрела на Настасью, потом спросила:

— Ты что, Настасья, сидишь?

— Зятя жду на обед.

Старушка постояла-постояла и пошла дальше. Огненно-рыжий петух вдруг ни с того ни с сего издал громкий воинственный крик. Задремавший Индус испуганно вскочил, поджал хвост и пулей шмыгнул в подворотню. И лишь там, разобравшись, в чем дело, сердито и часто залаял. Возле дома с визгом затормозил мотоцикл. С сиденья лихо соскочил Настасьин зять Павел, ногой открыл калитку и весело спросил:

— Зинаида дома?

— Не бывала.

Павел сразу похмурил и, громко стуча сапогами, поднялся на крыльцо.

— Потихоньку, Паша,— попросила Настасья.

— Чего это?

— Анюткин паренек в избе сидит.

— Ну?

— Работает.

Павел и Настасья зашли в избу. Венька дочитывал последнее письмо. Павел не спеша вымыл руки, сел за стол, начал есть, то и дело поглядывая на мальчика.

— Красный следопыт,— сказала Настасья.

— Гляди ты! — буркнул зять.

— Надо еще один запрос сделать,— аккуратно складывая письмо, сказал Венька.

— Сделай, Веня, сделай.

— Толку-то,— усмехнулся Павел.

— Степан Иванович упоминает о каком-то Савраскине.— Венька открыл блокнот.— Вот: «Наипервейший мой друг Петруха Савраскин. Петр Васильевич. Родом из-под Пскова. Деревня его родная сейчас под немцем. И не знает Петруха ничего о своих родных-знакомых». — Венька помолчал, серьезно посмотрел на Павла.— И еще: «Петруха успел стрелкнуть, а то бы каюк. Так что, Настасья, благодари дружка моего Петю Савраскина. Спас он меня от верной смерти».

— Ишь ты, — удивился Павел. — Следопыт! Этот... Как его? Шерлок Холмс! Да ты знаешь, сколько Савраскиных на белом свете!

— Может, и много, да в отделении Степана Ивановича наверняка один был, — ответил Венька и встал. — Пошел я, тетка Настасья.

— Спасибо, Веня, — завертывая письма в газету, сказала Верста. — Так ты отпиши.

— Обязательно, — пообещал Венька и вышел.

— А у него котелок варит, — сказал Павел. — Шерлок Холмс!

— Он с добром пришел, Паша.

— А я что? Я ничего. — Павел отодвинул тарелку. — Вот жены на обеде нет — это непорядок!

— Теперь такое время. Сенокос. Самая работа агроному.

— Начальство. Днем в поле, вечером совещанья, заседания... Разве это жизнь?!

Залпом выпив кружку молока, Павел встал, вышел на улицу, сел на мотоцикл и с ревом полетел по деревне, обдав пылью бегущих к речке Веньку и Индуса.

— Эге-гей! — крикнул Павел. — Шерло-ок Холмс! Молодец!

Венька переждал, пока уляжется пыль, снял галстук и, размахивая им, помчался по зеленой высокой траве. За ним с веселым лаем короткими прыжками неся Индус.

Глава вторая

В городе

Венька и Валька возвращались с утренней рыбалки. На плечах они несли удилица, а в руках у каждого покачивались связки крупных рыбин, да не голавлей, не подлещиков, а серебристых, нежных хариусов. Индус весело

бежал впереди и, казалось, был не менее горд богатым уловом, чем сами рыбаки. Валька, остановившись у своей калитки, в который раз сказал:

— Смотри, Венька, никому ни слова о нашем месте.

— Могила, — успокоил друга Венька.

Одно время Валька Чебыкин не разговаривал с Венькой, обидевшись, что тот один ходил к Настасье: ведь Валька тоже считался красным следопытом, да и письмо в Министерство обороны по поводу Степана Ивановича они сочиняли вместе. Но обида сама собой забылась, тем более что второе письмо о Савраскине они тоже написали сообща, прямо на имя министра обороны. Написали — и не то чтобы забыли, но не вспоминали о нем: некогда было. С утра ни свет ни заря на рыбалку, а то в лес, где уже полным-полно было ягод — земляники, голубики, малины. А ночами гнали коней на заливные луга, за речку Стригу, и, когда смеркалось и на землю медленно опускалась тихая темнота, разжигали костер, заваривали чай и до утренней зорьки слушали рассказы бывалого человека, библиотекаря Сени, который хотя и не успел повоевать, молод был, но тоже повидал немало. Жил и в Средней Азии, в горячих песках, проводил газопровод, и в тундре, на далеком полуострове Ямал, гонял плоты по Енисею и ходил рыбаком в Атлантический океан. Рассказывал Сеня занятно — век бы слушал!

Летели и пропадали в темноте светлые искры, бродили по росной траве еле видимые кони, сторожко всхрапывали, заслышав протяжный крик болотной птицы выпи или далекое утробное уханье ночного разбойника филина. Смоля одну папиросу за другой, Сеня азартно рассказывал диковинные истории. Ребята верили и не верили ему, а когда речь шла о чем-нибудь страшном, к примеру как замерзал Сеня в белой безлюдной тундре, один-одинешенек, по спинам мальчишек пробегал мороз, словно там, в тундре, погибали они, а не библиотекарь Сеня. Засыпали ребята

прямо на земле, у тлеющего костра, а с восходом будил их Сеня, и, еще сонные, ловили они арканами молодых жеребчиков, вскакивали на их спины и быстрым наметом гнали в луга, где паслись кони... Незаметно летело время.

Еще издали Венька заметил возле своего дома почтальоншу. И почтальонша, увидев паренька, остановилась, вытащила из сумки белый конверт и замахала.

— Опять из Москвы! — крикнула она.

Венька взял письмо, распечатал. «Уважаемый тов. Захаров! — сообщали Веньке. — На Ваш запрос о рядовом Савраскине П. В. отвечаем, что Савраскин П. В. скончался 8 мая 1945 года в госпитале города Двинска Архангельской области...»

— Что пишут? — заинтересованно спросила почтальонша.

— Так, — рассеянно ответил Венька. — Пишут...

Он зашел в дом и долго стоял посреди комнаты. Кот Барсик вначале осторожно, а потом все сильнее и сильнее начал тянуть одну из рыбин за хвост. Венька равнодушно глянул на кота, швырнул крупного хариуса на пол, и Барсик с урчанием поволок его в угол.

Значит, Савраскин умер в Двинске, в районном центре, совсем рядом со Студеной, в сорока километрах. Туда автобусы два раза на день ходят. Венька бывал в городе, он даже знал, где находится больница, в которой во время войны размещался госпиталь, — учительница говорила. И на кладбище бывал. Там, в низеньких молоденьких сосенках, возвышались зеленые аккуратные холмики с пятиконечными звездочками на серых обелисках, а на одном из них лежал пропеллер самолета. И теперь Венька старался припомнить, была ли выбита на обелисках фамилия Савраскина, и не мог припомнить, потому что много было фамилий на серых одинаковых памятниках.

Венька глянул на стенные часы-ходики, метнулся к комоду, вытряхнул из копилки несколько монет, быстро

переоделся в белую рубашку и темные брюки, на ходу повязывая пионерский галстук, выбежал на улицу. Он знал, что вот-вот уйдет в город автобус, а следующий будет лишь вечером. Перемахнув невысокий забор, Венька напрямик через огороды помчался к остановке. Следом за ним молча бежал Индус. Венька вспомнил о Вальке Чебыкине, лишь когда автобус тронулся. Ему на минуту сделалось стыдно, что он забыл о друге, но он тут же простил себя: ведь если бы он побежал за Валькой, то наверняка опоздал бы. И так успел еле-еле. Хорошо, шофер понимающий оказался: увидел бегущего мальчика и подождал. В автобусе сидели женщины с корзинами на коленях — видать, везли на базар лесную малину — и участковый Мирон Евсеич.

— Садись, — указал на место рядом с собой участковый и пожаловался: — Зуб еду выдирать.

Автобус тряхнуло. Мирон Евсеич схватился за щеку и крикнул:

— Колька! Людей везешь! Не дрова!

Шофер сбавил скорость. Бабы соболезнующе поглядывали на участкового, и каждая считала своим долгом дать совет:

— Ты бы, Мирон Евсеич, шалфеем пополоскал.

— Полоскал...

— К Давыдихе сходи, Мирон Евсеич! К Давыдихе! Заговорит — и как рукой снимет!

— Ходил...

— Говорят, куриный помет помогает...

— Тьфу! — сплюнул Мирон Евсеич, обернулся к Веньке, смотревшему в окно, сквозь которое было видно, как бежал по обочине дороги верный Индус. — Куда едешь?

— В город.

— Зачем?

— Это... — Венька хотел сказать правду, но почему-то соврал. — Мамка послала. За учебниками.

— Доброе дело,— похвалил участковый и обратился к женщинам: — Слыхали? За учебниками. За книжками человек едет. Стало быть, за знаниями! А вы? На базар... Доберусь я до вас как-нибудь...

Неизвестно, сколько бы времени продолжал поучать Мирон Евсеич женщин, но автобус снова тряхнуло. Участковый сморщился, погрозил шоферу кулаком и схватился за щеку.

А Индус долго и терпеливо бежал за автобусом, то вырываясь из шлейфа пыли, то вновь пропадая в ней. Потом отстал.

По приезде в город Мирон Евсеич, не теряя времени, решительно зашагал к больнице. Венька проводил его взглядом, подождал, пока участковый скроется из виду, потом пошел следом. Еще по пути он решил обратиться сразу к главному врачу и теперь, пройдя широким коридором, поднялся на второй этаж и остановился перед высокой белой дверью кабинета главврача. Венька пригладил волосы, постучал и приоткрыл дверь. В глубине большой светлой комнаты стоял мужчина, смотрел в окно и курил. Красивая женщина сидела на стуле, уронив руки на белый халат,— видно, тоже была врач,— как-то странно смотрела на него. Увидев Веньку, она быстро поднялась.

— К тебе пришли,— сказала женщина и вышла из кабинета.

Венька посмотрел ей вслед, и ему почему-то вдруг стало жалко женщину.

— Что тебе? — сердито спросил мужчина.

— Мне нужен главный врач,— твердо сказал Венька.

— Ну, я главный.

Венька вытащил письмо и протянул его доктору. Прочитав, мужчина недоуменно поднял глаза на паренька.

— Я-то при чем?

— Савраскин здесь умер. В госпитале.

— Ну, брат... Мне в сорок пятом было поменьше, чем

тебе.— Он снова перечитал письмо.— Н-да... Кто он тебе, Савраскин?

— Никто. Красный следопыт я.

Доктор глубоко затянулся сизым дымом, повертел письмо, долго смотрел на мальчика.

— В нашей больнице действительно располагался госпиталь,— проговорил он.— Но остались ли какие документы... Не знаю. Идем,— решительно затушив сигарету, сказал главный и первым направился к двери.

В коридоре его почти сразу же остановили два молодых врача и заговорили о чем-то, Веньке непонятном.

— Хорошо, хорошо,— согласился главный.— Только на минуту.— Он обернулся к Веньке: — Подожди здесь.

Главный и молодые врачи скрылись за дверью хирургического кабинета. Венька огляделся и сразу же увидел Мирона Евсеича. Участковый смиренно сидел на краешке стула и со страхом прислушивался к утробному, глухому крику, доносившемуся из кабинета зубного врача. «А еще герой,— подумал Венька.— Разведчик...» Мирон Евсеич и в самом деле был Героем Советского Союза, всю войну прошел разведчиком, и его портреты висели и в местном колхозном музее, и в городском. На портретах Мирон Евсеич был молодым, с усами и крепко смахивал на Чапаева. Дверь зубного кабинета открылась. В коридор вышел мужчина и тяжело присел.

— Как? — слабым голосом осведомился у него участковый.

— Полный порядок,— прохрипел мужчина.— Коренной.

— У меня тоже. Коренной...

— Вахрамеев! — объявила сестра.

— Я! —по-военному ответил участковый и встал.

— Проходите.

— А может, тово... Подождать? Он у меня вроде прошел...

— Не задерживайте, гражданин,— строго сказала сестра.

Мирон Евсеич двинулся было к двери, машинально оглянулся, увидел Веньку, остановился и потянулся к нему.

— Гражданин! — прикрикнула сестра.

— Иду. Мальчонку встретил. Землячок мой...

— Землячок... — не поверила сестра. — Мужчины-ы...

Мирон Евсеич глубоко вздохнул и шагнул следом за сестрой в кабинет. Дверь захлопнулась.

В коридоре появился главный и знаком приказал Веньке следовать за ним.

— В архив пойдем,— пояснил он на ходу. — Если уж там нет никаких документов на твоего Савраскина... Не знаю чем и помочь. Сюда!

Они поднялись по железной лестнице и вошли в низкую продолговатую комнату, плотно заставленную стеллажами.

— Мы к вам, Елена Павловна,— обратился главный к пожилой женщине в очках, сидевшей за старинным широким столом. — Нельзя ли поднять историю Савраскина... Как его имя-отчество?

— Петр Васильевич,— быстро ответил Венька.

— Был на излечении? Выздоровел? Скончался? — привычно спросила женщина.

— Скончался. В сорок пятом. Восьмого мая сорок пятого года,— сказал главный и задумчиво произнес: — Перед самой победой...

Женщина пошла между рядами стеллажей, бормоча про себя:

— Савраскин... Петр Васильевич... Сорок пятый... Савраскин.

Главврач, глядя, как женщина, встав на приступку, вытащила большую стопку бумаг, подмигнул Веньке: мол, все в порядке.

— «Сабиров, Савин, Савушкин...— перебирая бумаги, читала женщина.— Савраскин. Петр Васильевич».

Она вернулась к столу, развернула папку.

— «Савраскин Петр Васильевич. Год рождения 1921. Место рождения: Псковская область, Гдовский район, деревня Прошино. Осколочные ранения в области груди и живота...»

— Я запишу,— присаживаясь к столу, сказал Венька, вытащил ручку, блокнот и под диктовку женщины начал записывать. — А где его похоронили?

— «Место погребения — местное кладбище»,— прочла женщина.

— Все в порядке? — спросил главврач.

— В порядке,— медленно повторил Венька.— А вы же работали в то время в госпитале? — обратился он к женщине.

— Нет. Я воевала.

Главврач внимательно глянул на Елену Павловну и закурил.

— Вот как! Работаете, работаете, из больницы не вылазишь и ни черта толком ни о ком не знаешь, — проговорил он.— Значит, воевали, Елена Павловна?

— Пришлось.

— Медсестрой?

— Рядовой. Рядовой Семнадцатого стрелкового полка.

— Н-да, — пробормотал главный. — У меня ваше заявление на квартиру лежит, — краснея, припомнил он.

— Лежит.

— Завтра зайдите. В четырнадцать ноль-ноль.

— Зайду,— спокойно ответила Елена Павловна.

— Пойдем,— обратился доктор к мальчику.

— Неужели никто не знает Савраскина? — спросил Венька.

— Сходи-ка ты, мальчик, к Агнюше,— помедлив, отве-

тила Елена Павловна.— Она в госпитале санитаркой работала. Теперь, конечно, на пенсии. Может, и вспомнит.

— Точно! — обрадовался врач.— Спасибо, Елена Павловна! Пошли. Объясню. Агнюша рядом со мной живет.— В дверях он обернулся и объяснил женщине: — Красный следопыт.

Они вышли из комнаты, а Елена Павловна присела на стул и долго смотрела в тусклое маленькое окошко...

— Сабиров, Савин, Савушкин, Савраскин... — негромко проговорила она.

По пути главный рассказал Веньке, что бабка Агнюша живет на Кооперативной улице, в угловом домике, пешком идти минут десять. Он проводил мальчика до больничного крыльца.

— Улица Кооперативная. Запомнил?

— Запомнил.

— Мой дом в тополях, а где три березы, там домик бабушки Агнюши. Агнии Варфоломеевны. Шагай!

Он крепко пожал руку пареньку, подмигнул и похлопал его по плечу.

— Большое спасибо вам,— сказал Венька.

— Тебе спасибо,— задумчиво и серьезно ответил главный.

— А там, в кабинете, была ваша невеста? — внезапно спросил Венька.

— Невеста,— повторил доктор.— Откуда ты взял?

— Она красивая. И смотрела на вас жалостно-жалостно...

— Следопыт! — рассмеялся главный.— Много будешь знать, скоро состаришься. Беги!

Венька прыгнул с крыльца.

Доктор повернулся, чтобы идти в больницу, и наткнулся на Мирона Евсеича.

— Полный порядок,— криво улыбаясь и шепелявя, произнес участковый.— Коренной.

— Что? — не понял главврач.

— Коренной, говорю!

И Мирон Евсейч, дружески хлопнув главврача, резво спустился с крыльца.

Дом бабки Агнюши Венька нашел быстро. Улица была тихая, зеленая, как в родной деревне. Венька толкнул калитку, поднялся на низенькое крылечко, постучал и, не услышав отклика, приоткрыл дверь и громко спросил:

— Есть кто?

В доме что-то со звоном упало на пол, покатилося, и мимо мальчика стрелой шмыгнул здоровенный рыжий кот. Со страху Венька метнулся обратно, наткнулся на кадушку с водой, упал, но, тут же вскочив, метнулся к калитке, схватился за железное кольцо и лишь здесь перевел дыхание. Котище преспокойно сидел на траве и смотрел на мальчика. Венька замахнулся на него. Кот лениво поднялся и уполз в дыру сарая.

Калитка отворилась, и во двор вошла невысокая, плотная старушка с добрыми голубыми глазками на широком лице. Она несла на коромысле полные ведра воды. На Венькино приветствие она ласково заговорила:

— Здравствуй, здравствуй, голуба душа. А я беру воду, вижу тебя и думаю: «Что за гостенек ко мне пожаловал?» Заходи, заходи...

Венька хотел помочь старушке, но та сама на удивление легко сняла ведра и вылила их в большую бочку.

— Чей будешь-то? — спросила старушка, пропуская мальчика вперед.

— Издалека. Вы бабушка Агнюша?

— Так люди кличут.

— Мне к вам посоветовали обратиться.

— Обращайся,— все так же ласково говорила Агнюша.— Обращайся, голуба душа.

Они зашли в комнату. На полу валялась алюминиевая миска.

— Кот уронил,— сказал Венька и усмехнулся.— Перепугал меня.

— Он смиренный. У самого небось душа в пятках. Не переносит он мужского духу. Напротив сосед живет, так ни с того ни с сего схватил моего кота, бросил в мешок и давай хлестать ремнем. Чуть не убил, ирод. Обращайся, голуба душа.

— Вы помните Савраскина Петра Васильевича?

— Он откуда?

Венька торопливо вытащил блокнот.

— Из деревни Пронино, Псковской области.

— Таких не знаю. Псковских у меня не то что из родни, а и знакомых нету.

— Солдат он! В госпитале у вас лежал!

— Солдат... Савраскин? — задумалась бабушка Агнюша.— Фамилия знакомая. Как говоришь? Петр Васильевич? Петя, значит. Савраскин. Знакомая фамилия, знакомая... Да в то время, голуба душа, сотни лежали. И псковские были, и рязанские, и эти... С юга. Грузины. Лепечут, бывало, что-то, а не поймешь. Кто вылезется и опять на фронт, а кто и туда. На Два Брата. Кладбище так называется.— Бабка помолчала, пожевала губами и повторила: — Фамилия знакомая... Каков обличьем-то? Черненький, беленький или ни то ни се, шатен по-научному?

— Не знаю.

— Фотографии, значит, не имеется?

— Не имеется,— вздохнул Венька.

— Худо дело,— сказала старушка, помолчала и добавила: — А фамилия знакомая.. Петя Савраскин... А не играл ли он, голуба душа, на гармони?

— Ничего я не знаю о нем, бабушка...

— Умер он али жив?

— Умер. Перед самой победой умер.— Венька вытащил блокнот.— Восьмого мая. «Осколочные ранения в области груди и живота...»

— Восьмого, — повторила Агнюша. — Господи, — вдруг ахнула она. — «Красно солнышко» умер! Так и есть. Петя Савраскин. Один он и не дождался победы. А уж как ждал-то... Господи... Савраскин и есть. «Красным солнышком» мы его звали. Веселый он был и весь рыженький. Все-то у него шуточки да прибауточки. Как же, как же... Петя Савраскин. Помню. В аккурат перед победой и умер. Не вынес операции. Тебе бы сразу сказать, что перед победой... «Красно солнышко»... Зайдешь, бывало, к нему в палату, а он весь и расплывается, улыбается, а уж шуточка какая-никакая припасена. Я ведь тогда нестарая была, вот он и шутил: выздоровлю, мол, и женюсь на тебе, Агнюша. Мне, говорит, такая жена, как ты, надобна, другой, говорит, не желаю... «Красно солнышко»... Тяжелый он был, не жилец...

Она еще говорила что-то о Савраскине, но Венька не прислушивался, он думал о своем: вот он и узнал все о Савраскине.

Да, это действительно он, друг Степана Башарина. Видно, фронтовая судьба забросила его в родные Степановы края, в госпиталь. Сколько он пролежал? Почему ничего не сообщил о себе тетке Настасье, он, лучший друг Степана Ивановича?

— Самоварчик с тобой, голуба душа, поставим, чайку попьем. Ты с чем любишь? С вареньем или с конфетками? — выставляя чашки, варенье, конфеты, ласково приговаривала Агнюша.

— И долго он пролежал? — спросил Венька.

— Да как тебе сказать... Недели две, пожалуй, лежал. Его к нам самолетом прислали. Там, в полевом лазарете, видать, не все осколочки вынули. Отправили к нам. У нас в те поры знатные доктора работали. Профессора! Уж на что Егор Петрович Сычев, можно сказать, волшебник, мертвых поднимал, а тут и он руки опустил. Да ты пей, голуба душа, пей чаек-то!

— Надо идти,— с сожалением сказал Венька, глядя на конфеты. — На автобус опоздаю.

— И далеко ехать?

— В Студеную.

Бабка внимательно пригляделась к мальчику и спросила:

— Не родственник ли тебе будет «Красно солнышко»?

— Нет.

— Ой ли? — хитровато улыбнулась она. — Слыхала я о Студеной. Паренек к Савраскину приезжал оттуда.

— Какой паренек?

— Хороший паренек. Волосы темные, кудрявенькие, носик прямой и глазенки смышленные такие и синие-синие, как небушко. Молоденький паренек.

— Не помните, как его звали?

— Как не помню? — даже обиделась бабка. — Михаил. Я почему запомнила? Везу Савраскина на операцию, а он и говорит: ежели, мол, не выживу, отдайте, говорит, Агнюш, узелок Мише. Знаю, отвечаю, знаю. Приезжал этот самый Миша к Савраскину. В мае и приезжал. Я его в палату-то приводила. Да-а... Поговорить в тот раз им много не дали. Плох был «Красно солнышко». Все кашлял. Будь, говорю, спокоен, отдам твой узелок. Только, говорю, ты о смерти не думай, ты о жизни думай. Улыбнулся мне Савраскин, а глаза тоскливые. Пошутил, помню, да не вышла шуточка. Чуюл он свою смертушку...

— И приезжал Миша? — дрогнувшим голосом спросил Венька.

— Утром и прикатил. В самую Победу. Савраскина оперировали восьмого, а он девятого приехал. Отдала я ему узелок, сказала, что умер «Красно солнышко». Да-а... Он губенки сжал, глаза аж посерели, но не заплакал. Нет. Взял узелок и пошел. Тяжеленький такой узелок был, гремело что-то в нем. Ордена да медали, поди. Солдат! Известное дело. Потом уж мне сказали, что родным при-

ходиллся Савраскину этот самый Миша.— Агнюша вновь хитро посмотрела на мальчика.— И ты, видать, родственник, а?

— Фамилию Миши вы запомнили?

— Запомятовала, голуба душа, запомятовала. Говорил мне Савраскин, да я запомятовала. Столько лет прошло-прокатилось...

— Миша Башарин...— то ли спросил, то ли сказал утвердительно Венька.

— Вроде как Башарин.

Венька смотрел в угол комнаты, напряженно, мучительно размышляя. Он знал от своей матери, слышал от односельчан, что был у Версты сын, Мишка Башарин, утонул давно-давно, когда еще его, Веньки Захарова, не было на свете. Он даже припомнил могилу Мишки на деревенском кладбище, с большим крестом, на котором была прикреплена выцветшая фотография.

— Что с тобой, голуба душа? — встревоженно спросила бабка.

Венька пробормотал в ответ что-то нечленораздельное и вышел на улицу. Он шел по тихой зеленой улице, припоминал рассказ бабки Агнюши, и предчувствие какой-то неясной тайны внезапно охватило его.

А бабка Агнюша, вышедшая следом за Венькой, стояла у калитки, покачивала головой и повторяла:

— Родственник он «Красному солнышку». Так и есть родственник...

Глава третья

Колокольня

Автобус пришел в Студеную засветло, но в укромных местах, под большими вербами, под крутым берегом Стриги, в ивовых кустах было уже сумрачно и по-ночному

припахивало прохладой. Венька вышел из автобуса, постоял немного и, подумав, свернул на песчаную дорогу, ведущую к сосновой рощице, местному кладбищу.

Значит, встречался Миша Башарин с фронтовым другом отца Петром Савраскиным. О чем они говорили? Узелок ему подарил Савраскин. С орденами и медалями. Где он, этот узелок? Где ордена и медали? Почему Верста ничего не знает об узелке? Если б знала, выложила сразу. Значит, Мишка скрывал свою встречу с Савраскиным? Для чего? Как он узнал, что Петр Васильевич лежит именно в Двинском госпитале? Какая тайна скрыта в Мишкином молчании? Множество вопросов возникало у Веньки, и ни на один из них он не находил ответа.

На кладбище было сумрачно. Устраиваясь на ночлег, черными тенями плавали в кронах сосен вороны и хрипло кричали. Венька нашел могилу Мишки, склонился над крестом и прочел: «Михаил Степанович Башарин. 1931—1945 гг.». Надпись была выжжена и потому читалась ясно, но фотография, хотя и находилась под стеклом, пожелтела, поблекла. «Четырнадцать лет,— думал Венька, вглядываясь в размытые черты Мишкиного лица.— Утонул. И мне через год четырнадцать...» Видно, спугнул ворон коршун или ястреб, потому что они вдруг разом, с громкими криками взмыли в небо, закружились в вершинах сосен, и сразу стало темно. Венька торопливо зашагал прочь.

В деревне, проходя мимо избы Башариных, он увидел сидящую на завалинке тетку Настасью и приостановился.

— Говорят, тебе опять письмо пришло из Москвы? — спросила Верста.

— Пришло.

— И что пишут?

— Все то же.

— Я и говорю,— вздохнула Верста.— Разве найдешь?

Их там, без вести-то, может, миллионы пропали.— Она глянула на мальчика.— Тебя мать искала. Где был-то?

— Так,— неопределенно ответил Венька.— По кладбищу проходил. Мишину могилку видел. Заросла,— осторожно добавил он.

— Давно не была.

— Мамка говорила, утонул он. Плавать не умел?

— Мишка-то? Что ты! Как рыба плавал! Заячий омут вдоль и поперек, а в нем, поди, не один десяток метров. Отчаянный был. Весь в отца. Конец августа, вода холодная, никто уж и не купался, а он... Такой отчаянный! Говоришь, заросла могилка?

— Заросла.

— Надо сходить.

— А с кем дружил Миша? — внезапно спросил Венька.

— С кем? — повторила тетка Настасья.— Да он со всеми в дружбе жил. Его все уважали. Работник был. А мамку твою, Анютку, так Мишкиной невестой и звали. Когда утонул Мишка, шибко плакала Анютка-то.— Настасья помолчала.— Значит, и о дружбе Степановом ничего не известно?

— Погиб.

Веньке очень хотелось спросить Версту о белом узелке, об орденах и медалях, о Мишкиной поездке в город, но каким-то особым чутьем он понял, что нельзя ни о чем расспрашивать Настасью. Если уж Мишка, ее сын, ничего никому не сказал о Савраскине, о белом узелке, то он, Венька, тем более должен молчать. Венька попрощался и побежал к своему дому.

Мать и отец, конечно же, ждали его. Отец сидел на диване, читал газету. Увидев сына, молча кивнул ему головой, зато мать расстроилась всерьез. Она припомнила все Венькины прегрешения за последнее время, говорила, что таких лодырей, как он, Венька, она еще не видывала на своем веку, что завтра же отправит его в луга, косить

траву, что он уже большой, должен понимать, что нельзя расстраивать мать и отца. Они бог знает что подумали, весь вечер прождали. Хорошо, соседки сказали: мол, в город Венька ездил...

Венька молчал.

— Зачем в город-то ездил?

— По делу.

— По какому такому делу?

Врать Веньке не хотелось, а правды он сказать не имел права и потому снова замолчал.

— Что молчишь?

— погоди, Анюта,— остановил ее отец.— Не говорит— и не надо. Может, нельзя говорить? Может, это тайна? Правда, Венька?

Венька подозрительно посмотрел на отца — уж не догадался ли он о чем-нибудь? — и хмуро ответил:

— Какая еще тайна? Просто прокатился.

— Вот те и раз! Сегодня он в район прокатился, а завтра в область надумает махнуть! Путешественник...

— Да накорми ты его. Есть небось человек хочет, а ты ля-ля, ля-ля...— сказал отец.— Как на юге, понимаешь? Пришел человек в саклю, его напоят, накормят, спать уложат на коврах, понимаешь, и никто не спросит ничего, имени не спросят. Человек пришел! Коли сам ничего не расскажешь, не спросят. А тут родной сын явился, а ты ля-ля!

— То-то и оно, что родной сын,— проговорила мать.— Садись. Ешь.

Венька ел, обдумывая, как бы начать разговор о Мишке. Если мать считалась Мишкиной невестой, то наверняка знает о нем что-нибудь интересное. Веньке хотелось поговорить с матерью наедине, без отца, но отец сидел здесь же, молча читал газету, поглядывал на Веньку и хитровато улыбался, словно и в самом деле что-то знал. Потом он вдруг вскочил и хлопнул себя по лбу.

— Хоккей же! — воскликнул он и побежал в другую комнату.

Через минуту оттуда послышался азартный голос Озерова и не менее азартный отца:

— Венька! «Спартак» играет! Якушев с шайбой!

В другое время Венька бросил бы все на свете и побежал к телевизору, но теперь он, к удивлению матери, даже не шевельнулся.

— Ты не заболел ли, Веня? — спросила мать.

— Есть хочется, — вместо ответа сказал Венька.

— Ешь, сынок, ешь... — Мать некоторое время смотрела на сына. — Почтальонша сказала, будто снова тебе письмо пришло?

— Ага...

— Тетка Настасья раза три прибежала, все спрашивала, о чем тебе написали. Очень она тебя хвалила. Молодец, говорит, Веня, уж такой молодец! Вон медку принесла в подарок, — кивнула мать на банку с медом, стоящую на подоконнике.

— Бедная тетка Настасья, — сказал Венька. — Степа Иванович без вести пропал, и Мишка утонул...

Мать присела, ничего не ответила, смотрела куда-то поверх Венькиной головы, улыбалась чему-то своему, давнему и светлому.

— Тетка Настасья сказала, что тебя Мишкиной невестой звали.

— Звали. Было такое. Мишка... Он был хороший, Мишка. Не по годам сильный. Грузил мешки, пахал, сеял. Шла война. Все мужики ушли на фронт. Ни одного не осталось. Даже Васятку-конюха, сироту, забрали. Стукнуло восемнадцать, и вызвали в район, а там на пароход и туда, на войну. Вот и пришлось Мишке бросить школу, хотя учился он на одни пятерки. Работать пришлось. А ведь ему, Веня, было всего тринадцать. В четырнадцать утонул. — Мать помолчала, задумчиво посмотрела на Вень-

ку. — Утонул ли? Я, Веня, до сих пор не верю, что он мог утонуть.

— Что же тогда произошло?

— Не знаю, Веня, не знаю. Помню, как нашли Мишку в Стриге. Приехал следователь. Ходил по домам, расспрашивал, с кем встречался Мишка в последнее время, о чем говорил. А с кем? Со всеми встречался! Деревня невелика. Поговорил да с тем и уехал. Написал, что утонул по собственной вине. Дедушка твой могилку ему выкопал, похоронили, погоревали, поплакали... А я, Веня, не верю.

— Во что ты не веришь?

— Да вот что по собственной вине... Август. Время холодное. Ты, к примеру, в августе купаешься?

— Когда как. Прошлым летом и в сентябре купался.

— Прошлом лето изо всех было. Жаркое. А в сорок пятом, помню, березы в августе облетали.

— И почему же ты не верила? — как можно равнодушнее спросил Веня. — Все верили, а ты нет?

— Почему? — повторила мать. — А я и сама не знаю почему. Только вот чувствует мое сердце, что не своей смертью умер Мишка.

— Как не своей? — прошептал Веня.

— Не спрашивай ты меня ни о чем, Веня, не спрашивай! — Мать посмотрела на дверь комнаты, в которой находился отец, и понизила голос: — Я как-то сказала об этом отцу, а он на меня и зашумел: не выдумывай, мол! Ты, сынок, теперь взрослый, можно и рассказать. — Мать придвинулась поближе к сыну, обняла его за плечи, долго смотрела в темное окно и снова улыбнулась светло и печально. — Мишкина невеста... Незадолго до того, как Мишка утонул, прибежала я к тетке Настасье, спрашиваю Мишку, а она отвечает: мол, с утра ушел. Я-то знала, что Мишка на колокольне. Он любил бывать там, смотреть на леса, на речки, на деревеньки, мечтать любил. Он стихи писал. А и правда, красиво было смотреть сверху, особен-

но по утрам. Зелено кругом, радостно... Было поздно, на улице темень — глаз коли! Страшно, но я все-таки пошла к церкви, набралась смелости. Подошла, а тут и луна из-за туч выплыла, стало повеселее. Забралась я на колокольню, смотрю, а Мишка лежит и тихонько так посапывает. Спит. «Мишка!» — позвала я его. Он сразу же открыл глаза и говорит: «А ты мне снилась, Анютка». — «И какая же я была?» — спрашиваю. «Красивая». — «В каком платье?» — допытываюсь. «В обыкновенном», — Мишка-то говорит. «Неинтересно, — отвечаю. — Если бы в бальном белом, до пят. Как в кино». Девчонка совсем была. Дурочка. — Мать усмехнулась. — «В кино их специально одевают». — «А ты мне тоже снился», — говорю. Соврала. Думаю, дай скажу, что снился, раз уж я ему приснилась. «В этом барахле, что ли?» — спрашивает меня Мишка-то и показывает на отцовский пиджак. Широкий такой был пиджак. Плохо мы одевались, Веня. Я одно платьишко пять лет носила. И купить было негде, да и не на что. Война. А Мишка ходил в отцовском пиджаке. «Нет, говорю, не в барахле. В смокинге». Мишка даже привстал: «В че-ом?!» — «В смокинге. Костюм такой». — «Эх, если бы в гимнастерке!» — сказал Мишка. Глаза у него вдруг сделались злые, я даже испугалась. «Что с тобой, Миша?» — спрашиваю. Он посмотрел на меня и вдруг скользнул вниз по лестнице. «Подожди, — крикнул. — Я сейчас!» Осталась я одна на колокольне. Ты бывал там?

— Не один раз, — ответил Веня.

— Раньше там был настил из досок...

— И теперь есть.

— А между досками были широкие отверстия, через которые хорошо проглядывалась сама церковь. Аналой, иконостас, фрески... И вот, Веня, посмотрела я вниз и увидела какого-то человека. Он стоял на коленях и молился. Из решетчатых окон и широкой двери падал лунный свет, и человек казался огромным, как великан. Молился часто,

торопливо, шептал что-то. Вернулся Мишка. В руке у него был белый узелок...

При последних словах Венька вздрогнул, но мать, видимо сама переживая прошлое, ничего не заметила, а Венька постарался побыстрее овладеть собой.

— Я хорошо заметила узелок,— продолжала мать.— Мишка хотел что-то сказать, но я указала ему на человека, и Мишка склонился к отверстию. «Кто?» — спросила я. Человек встал с колен, долго смотрел на иконы, потом вдруг схватил камень и швырнул его в образа. Я вскрикнула. Мишка прижал меня к себе. А человек постоял-постоял, повернулся и быстро вышел. Не успела я и слова сказать, как Мишка снова скользнул вниз по лестнице. И снова мне сделалось страшно, так страшно, что я тихонько заплакала. А Мишки все не было и не было... Я стала спускаться вниз и на полпути узкой лестницы встретила Мишку. Мы вышли на улицу. Было тихо-тихо. «А где узелок?» — спросила я. «Какой узелок?» — «Не притворяйся,— говорю.— Беленький такой узелок!» — «Тебе показалось»,— сказал Мишка и сразу перевел разговор на одного паренька из нашего класса. Узнал он, что паренек тот записку мне написал. Про любовь. «Я ему башку оторву!» Мишка-то страшает, а я ему: «Он тебя сильнее. Он через весь класс на руках ходит». — «Сколько вон до той березы?» — спрашивает Мишка. «Много»,— отвечаю. Встал Мишка на руки и пошел. Идет и идет. Руки дрожат, а он идет. Я его уговариваю: мол, не надо, перестань, верю, что ты сильнее. А он идет. Дошел до березы, упал на траву, улыбается. «Вот так, говорит, твоего Кольку!»

— Кольку? — повторил Венька.

— Чего уж там! — смутилась мать.— Отец твой записку-то мне написал.— Она помолчала.— Через несколько дней Мишка утонул.

— А про этого, в церкви, почему не сказала?

— Говорила. И отцу говорила, бабушке твоему, и Мирону Евсейчу, помню, говорила. И до следователя слух дошел. Говорю, всех расспрашивал...

— А об узелке?

— Об узелке никому не рассказывала. Правда, ходила я в церковь, искала, но не нашла. Может, и впрямь показалось.— Мать погладила Веньку по голове, внезапно спросила: — Так для чего ты в город ездил?

— За книжками. Сказали, что учебники в город привезли.

— И кто же тебе сказал?

— «Кто, кто!» Ребята.

— Валька?

— Не-е... Репинские ребята. Я шел мимо остановки, а они и говорят: мол, в город за учебниками едем. Вот и я поехал.

— И где же учебники?

— Распродали.

Мать долго смотрела в глаза сыну, но Венька не отвел взгляда, выдержал.

— Ох, Венька, Венька,— все-таки не поверила мать.— Не умеешь врать и не учишь. Ведь все равно дознаюсь! Иди, смотри свой хоккей.

Чтобы не возбудить подозрений, Венька решил посмотреть хоккей, но после первого тайма сослался на усталость и ушел на сеновал, где спал, начиная с июня, прямо на душистом луговом сене. Он смотрел в прорезь крыши на ясную синюю звездочку и думал о Мишке и своей матери. Он и раньше слышал, как тяжело было жить в войну, ему не раз об этом рассказывал отец, но Венька не принимал рассказы близко к сердцу, они проходили мимо него, не запоминались, а тут он вдруг понял, что и мать, и отец, и Мишка Башарин были такими же подростками, как и он, и мечтали, и любовные записки писали, и дрались, и все-таки они были другими. Да разве наденет сейчас Венька

отцовский пиджак? Или бросит школу, чтобы, как Мишка, пахать землю, грузить мешки, сеять хлеб? Отец ему бросит! Так бросит — своих не узнаешь. Они были другими, они жили в трудное время, жили в войну.

Итак, размышлял Венька, видели узелок и бабка Агнуша, и мама. Значит, он должен где-то быть; может, лежит где-нибудь в тайнике, где-нибудь в церкви. Конечно же, в церкви! Куда еще мог запрятать его Мишка в столь короткое время, пока мама находилась одна на колокольне? Конечно, он мог перепрятать его на следующий день в другое место, положим на чердак своей избы или еще в какое-то тайное, ему одному известное место. Мог. Но мог и не перепрятать. И лежит сейчас узелок где-то в церкви. Венька поднялся и подошел к оконцу сеповала. На краю деревни в лунном свете, белая и строгая, стояла церковь. Она стояла на пригорке и хорошо виднелась с основания до купола. А вон и колоколья, округлая, напоминающая формой шар, с прямоугольными проемами.

Венька оделся, неслышно спустился по приставной лестнице на землю, огляделся и нырнул в малинник. Перепрыгнув соседский плетень, он огородами побежал к церкви. Когда до храма осталось несколько шагов, остановился и прислушался. Тихонько позвенивало где-то железо, видно, шевелил ветер кровлю; далеко, в Совином болоте, утробно вскрикивала какая-то птица. Зашуршала трава. Венька резко обернулся. К нему бежал Индус.

— Индусик, — зашептал Венька, глядя собаку. — Хороший мой Индусик...

Ему сразу стало нестрашно, и он решительно вошел в церковное помещение, поднялся на колокольню по узкой каменной лестнице с полуобвалившимися ступенями. Иногда из-под ног выскальзывал обломок кирпича и гулко падал в темный проем, на широкие плиты. Вот и деревянный настил с отверстиями, через которые действительно хоро-

шо проглядывались иконостас, темный алтарь, высокие фрески.

— Спокойно, Индус, спокойно,— произнес Венька, больше успокаивая себя, чем собаку.

Вот так же было и тогда, давно, в августе сорок пятого. Мишка смотрел на человека, который стоял там, внизу, перед иконами, и молился. Чему он молился? Вот туда, в проем, нырнул Мишка и вернулся с белым узелком в руках. Почему он ничего не рассказал своей матери, тетке Настасье? Мать Веньки не узнала человека, а быть может, узнал его Мишка? Почему он вообще никому ничего не рассказал? К примеру, Венькиному дедушке, Дмитрию Петровичу? Или Миرونу Евсеичу? Узелок был. Это точно. Не могло же показаться сразу двум: бабке Агнюше и матери? Агнюша передала узелок Мишке из рук в руки. Мишка привез его в деревню и спрятал в церкви. Что было в узелке? И никто, никто не знает ничего о Савраскине! Множество вопросов снова возникло у Веньки, но теперь он знал, что делать: надо во что бы то ни стало найти белый узелок. И Венька шепотом дал себе клятву, что найдет узелок, раскроет Мишкину тайну. И еще поклялся Венька, что никому не расскажет о сегодняшнем дне, даже лучшему другу Вальке Чебыкину.

Вернувшись на сеновал, Венька лег в постель, но долго не мог заснуть, смотрел на синюю звездочку в прорехе крыши и думал...

Круто изменился Венька Захаров с того дня, как он побывал в городе. Если он раньше и в футбол играл, и рыбачить ходил, и день-деньской пропадал на речке, то теперь даже в ночное с Сеней-библиотекарем отказался идти. А когда Валька начал рассказывать очередную историю Сени, Венька не дослушал, хмыкнул и пошел прочь. Валька Чебыкин поначалу не придавал значения поведению друга, но со временем, видя, что тот все более и более отдаляется от него, обиделся и перестал с ним разговари-

вать. Правда, по утрам ноги сами несли его к Венькиному дому, но у калитки он вспоминал, что они вроде бы в ссоре, хотя открыто и не поругались, останавливался и повертывал обратно. Однажды Валька не выдержал, увидел тетю Аню, Венькину мать, и хмуро спросил:

— Венька-то где?

— Рыбалить убежал. С самого утра. Каждый день уходит! Вот только рыбы не приносит. Не клюет, говорит! Нет чтобы по хозяйству что сделать...

Валька ничего не сказал, но про себя подумал, что дурачит свою мать Венька. На речке он не бывает, это уж точно. Валька сам на омутах с утра до вечера. И рыба клюет что надо. И окунь идет, и сорога, а на Заячьих перекатах снова хариус начал попадаться. Врет Венька. Конечно, Вальке ничего не стоит узнать, чем занимается его друг. Встанет утречком пораньше и выследит. Да только не будет он этого делать. Не шпион какой-нибудь.

Валька сидел на ступеньках своего крыльца и вырезал свисток из ветки тополя. Мимо прогнала гусей Галинка Стрепетова. Увидев Вальку, она крикнула:

— Валька! Чего я знаю-то!

Валька не обратил внимания на девчонку, но Галинка подбежала к забору и снова прокричала:

— Ох, Валька, чего зна-аю!

— Ну чего? — нехотя спросил он.

— Сказать?

— Говори.

— А вот и не скажу, не скажу, не скажу! — запела Галинка и запрыгала на одной ноге.

Валька изловчился, метнул недоделанный свисток в девчонку и промахнулся.

— Скажу уж, — снизошла Галинка. — Венька в бога стал верить!

— Но-о,— протянул недоверчиво Валька. — Мели Емеля...

— Сама видела!

— Крестился он, что ли?

— В церковь ходит! Вот!

— Ну и что? И я хожу. Церковь закрыта, и попа нет. Мало ли что ходит! Которые верят, они попа слушают. Молятся.

— Он на коленях стоял!

— На коленях? Х-хы,— заинтересовался Валька.

— Валька,— понизила голос Галинка,— он что-то там ищет.

— Ты-то откуда знаешь?

— Он каждый день в церковь забирается и по камешкам стучит,— торопливо заговорила Галинка.— Вот так.— Тук-тук, тук-тук,— постучала она по забору.— А еще он иконы снимал, осматривал и тоже стучал.

— Шпионила?

Валька поднялся и не спеша направился к девочке. Галинка отбежала от забора, показала Вальке язык и помчалась за гусями.

В другое время Валька не обратил бы внимания на Галинкины слова, но теперь, зная, что Венька даже мать родную обманывает, поневоле задумался. Он поднял свисток, начал было строгать, посмотрел на церковь и, решительно отбросив свисток, вышел за калитку.

Венька искал узелок уже больше недели. Поначалу он облазил всю лестницу, ведущую на колокольню, ощупал каждый камешек, каждую ступеньку, тщательно обшарил пол и простучал стены тесных каменных каморок, заглянул подо все иконы, хотя и не был убежден, что узелок мог быть под иконами,— не успел бы так быстро спрятать его Мишка Башарин и вернуться на колокольню. Искал и в алтаре, и под грузными ступенями паперти, и даже на крыше, во многих местах проржавленной,

в пустых глазницах окон — узелка не было. В темных местах Венька зажигал фонарик. Луч света вырывал облупленные фрески, на которых каким-то чудом в целости и сохранности оставались порой лишь одни глаза святых, и мальчик каждый раз внутренне вздрагивал, встречая суровые, пронзительные их взгляды.

Кажется, всю церковь обыскал Венька и начал было уже сомневаться в том, что узелок именно здесь, в храме. Перепрятал его Мишка, зарыл в землю, и лежит он теперь в земле, догнивает, тускнеют ордена и медали Петра Савраскина, и никто на свете не знает того места. Нет, никогда не узнать Веньке тайны Мишки Башарина.

Венька стоял на колокольне, смотрел вдаль, на синие далекие ели, на неподвижные, словно сделанные из мрамора, речки, на яркие желтые поля. Он отчаялся, устал, ему вдруг захотелось все бросить. Какое, в конце концов, ему дело до белого узелка, до Мишкиной тайны! Жил он без этой тайны и дальше будет жить. Но припомнились вдруг Веньке фронтовые теплые письма Степана Ивановича, рассказ бабки Агнюши. «Красным солнышком» звали Савраскина. Видно, добрый он был человек. Тоскливые, ждущие глаза Настасьи Башариной припомнил, и ему сделалось стыдно.

— Я дал клятву! — вслух произнес Венька.

Он решил еще раз проверить, прошупать каждую выемку, каждый выступающий кирпич, а уж если снова ничего не найдет, будет искать и на чердаке башаринского дома, и в амбаре, и под тяжелыми валунами. Он всю землю перероет, все тайники перекопает, но найдет белый узелок! Нет, он уже не может жить так, как жил раньше. Он знает о Мишке Башарине то, чего не знают другие, и темное предчувствие какой-то несправедливости недаром стучится ему в сердце. Где он, белый узелок?

Венька сделал несколько шагов вниз по лестнице и зашел в глухую камору, напоминающую каменный мешок.

Он зажег фонарь и обошел камору вдоль стен. Пахло древней пылью и сухим деревом. В одной из стен Венька заметил углубление, похожее на окно овальной формы. Вероятно, когда-то здесь действительно было окно, но позднее его замуровали, покрыли штукатуркой, которая в иных местах отвалилась, оголив крепкие коричневые кирпичи. Венька ощупал углубление, нажал посильнее, и порядочный кусок штукатурки с грохотом свалился на мраморную плиту пола. Венька припомнил, что Мишка, по словам матери, был сильный. А быть может, он был и высокий, выше его, Веньки? Но если он был выше ростом, то и дотягиваться руками мог дальше. И как такая простая мысль не пришла в голову раньше? Венька подобрал несколько кирпичей, валявшихся на полу, поставил их стопкой, встал на них и начал шарить рукой в углублении. Ему показалось, что руку лизнула прохлада, слабый ветерок. Венька застыл с неподвижно вытянутой вверх рукой. Так и есть. Снова легонько подудло. Мальчик шевельнулся, ноги соскользнули с кирпичей, и, инстинктивно цепляясь за какую-то выемку, Венька упал на пол. Фонарик выпал из рук, откатился в сторону и мгновенно погас. Зашуршало что-то в темноте, тяжело упало, и сразу потянуло сверху свежестью. Венька вскочил, вытащил коробок спичек, чиркнул, но пламя моментально задуло. Тогда Венька ощупью соорудил возвышение, поднялся на него, снова зажег спичку, заслоняя пламя ладонью, и увидел, что вывалился один из кирпичей, которыми было замуровано окно. Осыпая себя щебенкой и густой пылью, Венька начал шарить в углублении. Нащупал что-то жесткое, круглое, потянул к себе и, прыгнув с возвышения, прижимая находку к груди, выбежал из каморы.

В руках он держал берестяной туес, в каких деревенские хозяйки до сих пор хранят соль, сахар и крупу. Туес потрескался от времени, побурел, на круглых боках его виднелись водяные разводы. Венька поднялся на коло-

кольню, открыл туес, и руки у него дрогнули: в туесе лежал белый узелок. Венька вытащил узелок, развернул... Три медали, орден, солдатская пилотка с красной звездочкой и тетрадь. Венька перебрал медали, погладил орден, вытер звездочку о рукав, потом открыл тетрадь. Веером вылетели из тетради фотографии. Венька подобрал их и пригляделся. Это были фотографии одного и того же солдата, круглолицего, улыбающегося, с веселыми насмешливыми глазами. Венька сложил фотографии, перевернул первую страницу тетради. «Дневник Михаила Башарина», — прочел он.

Венька подошел к краю колокольни, посмотрел вниз, потом присел в угол колокольни.

Глава четвертая

„Дневник Михаила Башарина“

«В школу я не хожу, хотя сегодня уже десятое сентября. И Анютка, и Колька Захаров, и Митька Клык — все ходят, а я не хожу. Утром залез на колокольню, смотрю, вышагивают по дороге, и Колька нет-нет да и толкнет Анютку на обочину. Придется, видно, с ним серьезно поговорить... Правда, первого я тоже собирался идти, книжки собрал, тетрадки, но к вечеру зашла Михайловна, председательша, села на скамейку и заревела. Мать кинулась к ней: «Убили Матвея, что ли?» Председательша сразу и присмирела. «Нет, говорит, ничего такого не случилось. Бог с тобой... Вернулась я из района. Шестьсот центнеров хлебушка надо сдать немедленно. Срок — четыре дня. А у меня бабы все надорванные, грузить некому». Тут я не выдержал. «Будто, говорю, я мешки не таскал». — «Одна надежда, Михаил, на тебя, да на Васятку-конюха», — председательша-то. Мать ей: «Ему в школу завтра». — «Знаю, отвечает, все знаю!» — «Ладно, говорю, сдадим. А Васят-

ку не трогайте, ему не сегодня-завтра повестка придет. Да и дел у него, говорю, по горло. Двадцать семь коней, всех накормить-напоить надо». Так и не пошел. Все дни работал. С бабами одно горе. И смех и грех! Хватаются за мешок, а поднять не могут. Покрикиваю на них, да одним криком не возьмешь. Вот сижу теперь, пишу, а руки как пудовые, и перед глазами все мешки, мешки да рассыпное зерно. Сдали. Не шестьсот, а восемьсот центнеров сдали. Сам и сдавал, сам и расписку получил. Я так думаю, что учиться в этот год мне вообще не придется. Через неделю-другую заморосит, а там и белые мухи полетят, заснежит, надо кому-то и ленок убирать-расстилать, и картошку копать, навоз на поля возить. Дел много. Бабы и впрямь надорвались. Мне их жалко».

«Сегодня проводили на фронт Васятку-конюха. Стукнуло ему восемнадцать, и пришла из района повестка. Васятка сирота, отец с матерью давно умерли, еще до войны. Оставили они ему большую избу-пятистенку, но в ней он жил только зимами, а с весны до поздней осени дневал и ночевал на конюшне, с конями. Любил он коней! И чистил, и холил их, а когда забирали коней на войну, не разговаривал ни с кем, молчал и, говорят, ревел горячими слезами. Как-то сказал мне: «Почему, говорит, на коней повесток не присылают, ведь их тоже убивают там, на войне-то, ведь тоже живые души». Каждую осень приезжал из района военный, тыкал коням под ребра, смотрел в зубы, выбирал самых сильных, самых хороших. Вот и остались у Васятки одни старые лошади да необъезженный молодняк. С каждой лошадкой простился Васятка, каждую обнимал-целовал, а потом подошел к народу. Бабы прибежали к конюшне, кто чего волокет: кто рукавицы, кто носки, а кто и каравай хлеба. Суют ему все сразу, а он захватить не может, стоит улыбается. Проводили

его до околицы, а там сел он на телегу, и повез его дедко Григорий в район. Бабы стояли долго, махали, слезы утирали. «Последнего мужика проводили», — сказал кто-то. А председательша обняла меня и ответила: «Еще один остался. Чем не мужик?»

«Чего не ожидал, того не ожидал! Ну, Михайловна... Начну по порядку. Созвала председательша людей в правление, указала на меня и спрашивает: «Парня этого знаете?» Все, конечно, засмеялись. «Знакомы, кричат, знакомы! На днях виделись!» — «Будет над вами начальником. Бригадиром». Сказала — как отрезала. Меня прямо в жар бросило. На смех же поднимают, а то и прозвище придумают. Это у нас мигом. Голову опустил, стою краснею. Слышу, молчат, посмотрел — никто не смеется, глядят на меня внимательно, а Нюра Вахрамеева глаза стала тереть. Тут я осмелел, спрашиваю: «Так что, товарищи женщины, согласны?» — «Мы-то согласны. Ты как? Учиться бы тебе...» — «После войны, говорю, выучусь. Вон наши, говорю, в чужих землях уж воюют. Немного осталось. Придет скоро капут Гитлеру!» В общем, прочел им лекцию. На том и порешили: быть мне бригадиром. На следующий день Михайловна ввела меня в курс дела. Осмотрели амбары, скотник, конюшню. Кони после лета сытые, гладкие, да и работы для них стало меньше. Молодняка много. Зимой придется объезжать. Сена, пожалуй, до свежей травы хватит, а овса маловато. Надо снижать норму. Сбруя пообносилась. Завтра пойду к деду Григорию, он хоть и слабоват глазами и работает медленно, но зато справно. Запишу ему три трудодня. С телегами, санями, косилками совсем беда. Кузнец один на три колхоза. Как к нему подступиться — ума не приложу. Кое-что, конечно, сам сделаю, да без сноровки, боюсь, худо получится. Зорьку, Стрекозку, Победителя, Звездочку ковать надо

срочно. Посмотрел — подковы все сношены, а ведь уже зима, наплачешься с нековаными-то конями. В полях крутится поземка. Пора. Скоро Ноябрьские праздники В Подугорье, сказывают, задрали волки корову. Опять начинают баловать. Много их расплодилось за время войны. Охотники-то все на фронте. Как вспомню прошлую зиму — мороз по коже! Никакого отбою от волков не было, так и стояли возле овчарника, глазами сверкали. Неужели и в эту зиму ночами костры придется жечь? Сегодня принесли похоронку на учителя Трофимова. Мать увидела почтальоншу в окне и говорит: «Во-он «черный ворон» идет!» А какая она «ворон»? Беленькая вся, в кудряшках, росточком маленькая, а сумку носит большую. Она и сама-то после похоронок плачет горячими слезами. Трофимиha как чуяла, выбежала в одном платице на волю, смотрит на почтальоншу, не мигнет, а руками фартук вот и теребит, вот и теребит... Высыпали на крыльцо трофимята, мал мала меньше. Я не стал больше смотреть, отошел от окна, а мать накинула фуфайку и побегала к Трофимихе. Когда война-то кончится?!»

«Холодно-то как на улице! Целый час в колодце лед скалывал, ведро не лезло. Холодно, а ехать надо. Приказ. А как вышло? Зашел вчера в правление мужчина. Одет тепло, в тулуп и белые валенки. «Председатель где?» — спрашивает. «К соседям уехала. По делам». — «А ты кто?» — «Башарин. Бригадир». — «Слыхал, слыхал. Ну, а я Дементьев. Будем знакомы». Первый секретарь! Хозяин района! «Здравствуйте, говорю, товарищ Дементьев». Он мне левую руку подает. «Извини, говорит, браток. Правая в Баренцевом море осталась». Дело понятное. Война. «Слышал, сеном вы богаты? Овсецом?» — «Не особо. Но до весны дотянем». Закурил он, помолчал, а потом и выложил: «Шесть возов сена с вашего колхоза надо и овсеца с цент-

пер».— «Мы план вывезли»,— отвечаю. «Сверх плана». — «И сверх дали». «А если, говорит, поднатужиться?» — «Не можем, отвечаю, лопнем». Он ничего, не закричал, кулаком по столу не стукнул, по-хорошему объяснил. Прибыли, мол, в район чистокровные орловские рысаки. Худые, одни мослы. Но какая порода! Люди жизнью рисковали, вывезли в свое время их от немцев, да, видать, в худые руки они попали. Надо спасать. Хотелось мне сказать, что на рысаках много не напашешь, да язык не повернулся. Припомнил я нашего Курсика. Его на фронт угнали в июне, сразу как война началась. Вот был рысак так рысак! Машинны обгонял. Слух шел, будто сам генерал Доватор на нем ездил. Ладно, думаю, шесть возов куда ни шло, лишь бы больше не запросил. Написал я распоряжение на сено, на овес. «Распишитесь, говорю, товарищ Дементьев». Он прочел, усмехнулся и расписался. Порядок есть порядок. Мало ли что хозяин района! «Спасибо, бригадир. Когда доставите?» — «Завтра и доставим». Посидел немного Дементьев, отогрелся, порасспрашивал о житье-бытье. Что рассказывать? Живем. Похоронки часто в деревню приходят, бабы ревут, зареванные на ферму ходят коров доить. Молочко-то вы, городские, пополам с бабьими слезами пьете. Про отца спросил. «Без вести, говорю, пропал». Покурил он, снова пожал мне руку, крепко пожал. Хоть и левая, а сильная у него рука. И уехал. Только полозья заскрипели. Вот как вышло. Надо ехать. Возьму Нюрку Вахрамееву и Анну Данилову. Справимся».

«Казалось, не отойдут холода, не сойдет снег, так и будет вечная зима, а сегодня вышел, глубоко-глубоко вдохнул воздух, и сердце зашло. Весна! Побежал на Стригу, гляжу, забереги, вода прозрачная, рыбешка плавает, радуется. Недельки через две, пожалуй, двинется Стрига, понесутся льдины, а там и травка проглянет. Вы-

гоним скотину на зеленый лужок, вот уж побегают коровушки, порезвятся. Пришла похоронка на Васятку-конюха. Немного повоевал. Плакать по нему некому, но все равно собрались бабы, погоревали, припомнили его добрым словом. Вместе с похоронкой почтальонша принесла и письмо, из которого мы и узнали, как погиб Васятка. Писал его командир, по фамилии Савченко. Любил коней Васятка, из-за коней и погиб. Вернее, из-за жеребенка. В Венгрии убило Васятку, возле озера Балатон. Выбежал на полянку жеребенок. Откуда он взялся, никто не знает. Бегает, а кругом пули свистят. Поднялся Васятка — и к нему. Подбежал, а жеребенок, будто чуял, что его спасают, сам к человеку торопится. Васятка схватил его, волокет к своим, немного не доволок, стукнула его пуля. Так и свалился на траву, а жеребенок жив остался. И еще командир Савченко сообщил, что Васятку все любили, он был самый молодой в отделении. Похоронили его у озера Балатон, прямо на берегу. В Подугорье пришел Гаврюша Селиванов. И писать-то неловко — пришел. Привезла его мать, безногого, на телеге. Наши побежали к нему, мамка тоже. Вернулась поздно, рассказала, что не встречал он нашего папку на фронте. Если, говорит, нет похоронки — ждать надо. Всякое бывает. Эх, папка, папка... Где ты? Мать часто заставляет читать его письма. Читаю, а она плачет, и Зинка, хоть и маленькая, тоже чего-то соображает, кукуется. Зачем люди убивают друг друга?»

«Вот и узнал я, как погиб мой папка. Сажу на колокольне, зелено кругом, небо синее, чистое, солнце ясное, а на душе камень. И не могу никому сказать ни единого слова о своем папке, даже маме не могу сказать, молчать должен до поры до времени. Третьего мая приходит почтальонша, протягивает конверт. Смотрю, из района. Ну, думаю, опять чего-нибудь надо сверх плана. Читаю. Вы-

зывает меня в госпиталь Петр Васильевич Савраскин. Сначала не понял, кто такой, а потом как ударило! Да ведь это тот самый, что папку от смерти спас! Спустился я в погреб, взял туесок сметаны, яичек, творогу. Не куда-нибудь еду — к раненым, без гостинцев нельзя. Бегу на конюшню во весь дух. Поехал верхом. Всю дорогу галопом, до самого перевоза через Двину. Река разлилась, стала широкой. Коня я стреножил, чтобы домой не убежал, а сам к перевозчику, сел за весла — и на ту сторону. Старичок перевозчик рассказывает что-то, посмеивается, а я и не слышу, гребу себе и все думаю: вдруг Савраскин о папке что скажет! Но вот он и город. Иду в госпиталь. Дежурная не пускает: «К кому, по какому делу? А как узнала, что к Савраскину, заулыбалась. «Красно солнышко», — говорит. — Знаю, знаю. Идем». Взяла меня за руку, как малолетнего, и повела по коридору. Открывает палату. «Красно солнышко!» — кричит. — К тебе гость!» Смотрю, лежит на кровати раненый, вся грудь забинтована, улыбается: «Здорово, Михаил!» Весело так говорит. «Присаживайся. Давай знакомиться. Савраскин я. Петр Васильевич. А тебя я знаю. Похож на батьку-то, похож». — «И я вас по папкиным письмам знаю». — «Ничего не было от Степана Иваныча?» — спрашивает. «С сорок второго ни строчки». — «Достань-ка, говорит, Михаил, папирочку. Под подушкой лежат». Закурил он и говорит: «Держись, Михаил. Погиб твой папка. Держись!» — «А я что? Я ничего, я держусь. Мамку с Зинкой жалко». Сказал так, а у самого слезы закипели. Подал гостинцы. «Угощайтесь, говорю, все свежее». Он курит, затягивается глубоко. «Расстреляли твоего отца, Михаил. В сорок втором. Под Лугой. Подвели нас, пленных...» Тут я не вынес, спрашиваю: «Неужто папка в плен попал?» — «Патроны у нас кончились, — отвечает. — Одни ножи в руках. Мы на них с ножами, а они кого по ногам, кого по рукам. Прицельно били, выбирали. Взяли, одним словом,

и повели. Мне вот в плечо попало, рука плетью висела. Ничего. Идем. Степан меня с правой стороны держит, а с левой тот. Не знаю его имени-отчества. Говорит мне что-то, успокаивает. Подвели к оврагу. Ручеек звенит, вечер, тишина. Степан и говорит: «Прикрою тебя, как будут стрелять. Ты маленький». — «И я прикрою», — сосед слева-то шепчет. Тут подошел ко мне офицер, смотрит. И мне любопытно. Тоже смотрю. Однако не выдержал. «Чего, спрашиваю, уставился, дурак?» Он и отошел. Вижу, потащили моего соседа слева, поставили перед нами, пистолет к виску, сунули автомат в руки и приказали стрелять в своих. Поиздеваться решили над русским человеком! Стоим, ждем. Офицер считает: «Айн, цвай...» Степан и говорит: «Не выстрелит. Не таковский. Из одной деревни мы...» Не договорил Степан Иванович. Прошло мне в другой раз плечо, а потом навалился на меня кто-то, чую только, как тело у него дергается. Это Степан, отец твой, пули мои принимал. Очнулся я в избе. Спасли меня старик со старухой, притащили еле живого, выходили, вынянчили, поставили на ноги. Опять воевал, да вот прихватило в Польше. Привезли сюда». — «Как его звать?» — спрашиваю. «Кабы знать, — отвечает. — Не успел сказать Степан». — «Хоть какой из себя? Я всех знаю, всех помню!» Петр Васильевич и говорит: «Не горячись, все мы там на одно лицо были, грязные, оборванные, в пыли да крови. Дело-то, говорит, щекотливое. Насмерть можно обидеть человека. Сколько, спрашивает, из вашей деревни ушло?» — «Все ушли». — «То-то и оно, что все, — говорит. — Ошибиться нельзя». «А может, и его расстреляли?» — спрашиваю. «Нет, — отвечает. — Жив он. Сердцем чую. Болит у меня сердце. Жив. Я его из-под земли достану! И собственными руками без суда и следствия племпну! Он меня запомнил. Когда вели к оврагу, поддерживал, по имени называл. Это я ослабел, много крови потерял, мутная пелена перед глазами стояла, а он меня

запомнил. Вернусь я с того света, воскресну для него. Он думает, всех до единого угробил. Ан нет! Жив остался! Жив Савраскин! И я его припомню, гляну и припомню. А рассказал я тебе все это для того, чтобы ты знал, что отец твой погиб геройски, достойно, как оно и должно быть». Петр Васильевич вдруг стал кашлять, ткнул себе в живот, в грудь и засмеялся. «Два осколка, говорит, катаются где-то. Скоро вытащат, и будет полный порядок». Я смотрю, а по белым бинтам красное расплывается. Забежала медсестра и ну его ругать за курево, а Савраскин улыбается. «Иди, говорит, Михаил, и помни, что сказал. Дело щекотливое». Вышел я на улицу, а по набережной раненые ковыляют. Некоторые сами идти не могут, их несут на носилках. За ранеными городские ребята бегут, немецкие трофеи просят. Какой-то солдат протянул мне губную гармошку, хотя я и не просил. Взял, смотрю, а на ней немецкие буквы. Размахнулся — и дзинь о булыжники! Вернулся домой, мать спрашивает, куда ездил. Сказал, что в город насчет лекарственных трав вызывали. Всю ночь не спал, думал: «Как же так, наш, деревенский, сосед, может, а предатель?» Слов нет, как папку жалко, по и легче стало. Знаю теперь, что погиб он геройски. Одно худо: сказать никому ничего не могу».

«Нет больше на свете Петра Васильевича Савраскина. Умер. Не вынес операции. Я как чувствовал: поехал в госпиталь в тот день. Подъезжаю к перевозу и вдруг вижу: бежит ко мне старик перевозчик. «Товарищ! — кричит. — Товарищ! Заходи!» Привел в будку, наливает стакан вина, протягивает. Я говорю: не пью, мол. «Сегодня можно. Поздравляю, товарищ!» — «Не могу». — «Ты откуда?» — «Из Студеной». — «Не слышал?» — «О чем?» — «По радио!» — «Нет, говорю, у нас радио. Не успели провести». Поманил он меня на улицу да так таинственно по-

дал бинокль: «За реку гляди. На площадь». Посмотрел я, а там народу видимо-невидимо, смотрят вверх, на круглое радио, смеются, обнимаются, режут. Старик тоже заплакал. «Сломали фрица, — говорит. — Поздравляю, товарищ. Победа. Где папка-то?» — «Погиб!» — «У меня двое живы, а семеро тоже... Девятерых отправил!» Попросил я у него лодку, переехал через реку и прямым ходом в госпиталь. А там и не обсказать, что делается! Раненые танцуют, пляшут, поют. Одного безногого прямо в тележку подняли на плечи. Он играл на гармонии. Увидел я знакомую медсестру, подошел, спросил о Савраскине. «Ох, парень, говорит, умер «Красно солнышко». Не дожил до счастливого дня. Узелок тебе оставил». Принесла узелок, взял я его и пошел. Смотрю теперь на медали, на орден, на фотографию... Тяжело. И вот что я придумал. Не зря мне свою фотографию оставил Петр Васильевич. Сам говорил: запомнил его предатель. И остается мне одно: показывать фотографию всем, кто придет с войны. Вдруг он, гад, выдаст чем-нибудь себя, испугается. Показывать надо так, чтобы человек не ожидал. Посмотрит — и будто молнией его ударит. Съездил в город, и там мне сделали еще десять штук. Плоховато, правда, сделали».

«Анюткин отец пришел. Радости было... Вся деревня сбежалась. Конечно, пир горой! Когда изба опустела, положил я фотографию на стол прямо перед дядей Димитрием. Он выпил, хотел поставить стакан, увидел Савраскина, посмотрел, подает мне: «Обронил кто-то. Нездешний». Начал мне говорить, как жить будем дальше, что осенью я учиться пойду, хватит, наработался, папку хорошими словами припомнил. Нет. Не он».

...«И вовсе смешно получилось. Подложил я фотографию Григорию Мартынову. Он смотрел-смотрел да как закричит: «Раиса!» Раиса тут как тут. «Это кто?» — кричит. «Где?» — «Теперь мне все понятно!» Фотографию я мигом спрятал, а Григорий разбушевался. Ходит по избе, кулаками машет. Страх! «Это хахаль Раискин! Городской! Я его сразу по роже узнал! Сенькой зовут! Я кровь проливал, а она здесь прохлаждалась! Убью!» Начал он шарить по столу. «Где он? — кричит. — Где?» Раиса перепугалась, ни жива ни мертва стоит, трясется. «Кто?» — спрашивает. «Сенька!» — «Какой Сенька?» — «Хахаль твой!» — «Гриша! Опомнись! Погиб ведь он. В сорок первом». Григорий сел, долго смотрел в угол. «А фотография?» — спрашивает. «Какая фотография?» — «Только что видел! В руках держал! На столе была!» Раиса осмотрела весь стол, пол обшарила. «Нету, говорит, никакой фотографии». Григорий ко мне: «Мишка! Ты видел?» — «Знать, говорю, не знаю и ведать не ведаю». Раиса села и во всю-то головушку заревела. Григорий пошел к колодцу умываться. Я следом. Плещется он студеной водой, голову поливает. «Видать, говорит, перебрал малость». Не он».

«Сегодня встречали Героя Советского Союза Мирона Евсеича Вахрамеева. Его привезли на райкомовской машине. У сельсовета образовался митинг. Гражданский громко сказал: «Товарищи! Мы встречаем нашего славного земляка, лейтенанта дивизионной разведки Вахрамеева Мирона Евсеича!» И захолопал. Кто-то тоже из наших хлопнул. Мирон Евсеич хотел что-то сказать, да вдруг увидел Нюру, жену свою. Она бежала к машине, а за ней ребятишки. Старший, Володька, обогнал мать. «Товарищи, — сказал Мирон Евсеич. — Дорогие мои товарищи...» А гражданский ему подсказывает: «От имени гвардейской ордена Боевого Красного Знамени дивизи-

зии...» Я рядом стоял, хорошо слышал. Мирон Евсеич глянул на него волком — да к Нюре, к детишкам! Так они и встретились, на глазах у всего народа. Вечером в вахрамеевскую избу не зайти было, так вынесли столы во двор, там и гуляли. Орденов-медалей у Мирона Евсеича! Вот и спрашивает он, кого, мол, убили-то? Тишина сделалась лесная. А потом одна голос подала, другая, третья... «Петруху», «Коленьку», «Сашу», «Учителя Трофимова», «Васятку-конюха», а Степка-маленький весело так крикнул: «И моего папку!» Долго молчал Мирон Евсеич, потом взял гармонь да и заиграл. И пошли бабы плясать. Я положил фотографию на землю. Мирон Евсеич увидел, но не поднял, а когда кто-то наступил на Савраскина, приглушил гармонь и шепнул мне: «Подними. Солдата затоптали». Я поднял».

«Не мог я показать Савраскина Николаю Давыдову. Он явился незаметно, присел на завалинку, ждет. Я ему говорю: «Придет». А он свое: «Не придет. Зачем я ей такой?» У него лицо в шрамах, обожженное, и руки нет. Слышу, бежит кто-то, торопится. Смотрю, она, почтальонша. «Вон, говорю, бежит». Николай стал закуривать, да с одной рукой сразу не закуришь, табак просыпал, встал. Почтальонша подбежала, охнула и лицо закрыла. Николай отвернулся и круто зашагал. Она за ним: «Коя! Милый! Родненький!» Догнала его, прижалась, а у него по лицу слезы ручьем. Убежал я на Стригу, упал в ромашки да и тоже нарвелся досыта. Смотрю в небо, а на нем облака. Спокойные, белые. Нет, думаю, надо идти. Встал и пошел».

На этом дневник Мишки Башарина закончился. Венька снова перелистал страницы, хотел еще почитать, но

вдруг услышал шорох. В проеме колокольни показалась рыжая голова Вальки Чебыкина.

— Ага! Испугался?

Венька сгреб узелок и сунул его под рубашку. Одна из медалей выпала, но Венька быстро подобрал ее.

— Подумаешь, — сказал Валька, поднимаясь на настил. — Невидаль. Медалька... у моего отца их навалом.

— Испугался, испугался! — закричала Галинка, тоже вылезая из проема.

— Ты-то откуда взялась? — искренне удивился Валька.

Венька, крепко прижимая узелок и берестяной туес к груди, обошел своего друга, плечом оттолкнул Галинку и нырнул в проем.

— Невидаль, — повторил Валька. — Я их, медалей, сколько хочешь могу достать...

Галинка подошла к краю колокольни. Она видела, как Венька вышел из церкви, оглянулся несколько раз и скрылся в густых зарослях маличника.

— Валька,— задумчиво произнесла девочка.— А он испугался...

— Испугался он здорово,— подходя к Галинке, подтвердил Валька.— С чего бы?

— Вот именно, с чего?

Далеко на лугу медленно двигался комбайн. Возле речки неторопливо шло стадо коров. Вспорхнули голуби и заметались под куполом колокольни.

Глава пятая

Коля Однорукий

Да неужели Коля Однорукий предатель?! На деревне Николая Павловича Давыдова звали Одноруким не только взрослые, но и дети. Он не обижался. И вообще Коля был добрый человек. К примеру, однажды он собрал всех деревенских ребятшек, посадил в автобус и повез в городской музей. И за билеты из своего кармана выложил, туда и обратно. И умелец он был хороший, каких поискать: одной рукой лепил из глины, а потом расписывал диковинных зверей. И не торговал ими — нет, дарил. В каждой избе стоят на комодах его яркие поделки, радуют глаз. Не может быть! И все-таки именно о Коле Одноруком была последняя запись в Мишкином дневнике. Показал ли он фотографию Савраскина Коле?

Примерно так размышлял Венька Захаров, лежа на берегу Стриги. Уйдя далеко от деревни, в укромном месте под высокими соснами, где его не могла потревожить ни одна живая душа, он еще раз перечитал дневник, уже внимательно вглядываясь в ровный Мишкин почерк, раздумывая над каждой записью и словно переносясь в то далекое, неизвестное ему время. Что случилось с Мишкой? А если он не утонул? Если его утопили? Кто? Конечно же, тот, кому он показал фотографию! И быть может, преда-

тель тот самый человек, что стоял в церкви и молился. Мать не узнала его, но Мишка-то, после того как он спустился с колокольни, наверняка узнал, а наутро показал ему фотографию. Неужели Коля Однорукий? Веньке сделалось жутко от такой мысли, он поднялся и пошел к деревне.

У околицы его встретил Индус и, радостно взлаивая, бросился к хозяину.

— Где ты был? — бормотал Венька, обнимая щенка. — Где был? С тобой бы они не подошли. Где ты был?

Под «ними» Венька подразумевал Вальку Чебыкина и Галинку, справедливо беспокоясь, как бы они что-нибудь не заподозрили. Теперь-то уж он не имел никакого права делиться тайной Мишки Башарина, теперь он, Венька Захаров, доведет дело, начатое Мишкой, до конца, он найдет предателя, чего бы это ему ни стоило, отомстит за расстрелянных под Лугой наших солдат, за Степана Ивановича, за Савраскина, за Мишку. И казалось Веньке, что он стал в этот день намного старше. Да так оно и было на самом деле.

Домой Венька сразу не пошел, а повернул к клубу, к Сене-библиотекарю. Он не видел, как из-за берез наблюдали за ним Валька и Галинка. Когда Венька скрылся за дверью, Валька вопросительно посмотрел на девочку.

— А теперь что будем делать?

— «Что, что!» — передразнила Галинка. — Надо подумать.

Индус, улегшийся было возле клубного крыльца, приподнялся и наострил уши.

— У тебя что-нибудь вкусное есть? — спросила Галинка.

— Откуда? — уныло ответил Валька. — Я бы и сам...

— Беги домой и принеси.

— Командирша какая! Сама беги.

— Ладно, — согласилась девочка. — Сбегаю. А ты следи. Не уходи.

Валька отвернулся, чтобы хоть чем-нибудь показать свое презрение к девчонке. Раскомандовалась! Беги туда, иди сюда. Целый день бегали, Веньку искали. Ноги как свинцовые. И где он пропадал? Только недавно приметили — шел из Ширинского бора. Что он там делал? Не хотелось Вальке связываться с девчонкой, но пришлось: грызла его обида на лучшего друга. Галинка знала все тайные места, даже в подземный ход повела, который, по мнению Вальки, знал он да Венька. Без Галинки Валька давно бы плюнул на всю эту историю: не хочет поделиться друг своей тайной — и не надо. Но Галинка уверила его в том, что Венька каким-то образом открыл секрет бесценного клада, который вот уже сотни лет лежит в земле у деревни Студеной.

Слух о кладе появился недавно, года два назад. Приехал из города седенький старичок, весь день пробродил возле церкви, бормотал что-то про себя, заглядывал в книжечку, и естественно, что им заинтересовался Мирон Евсеич. Старичок и рассказал, что он имеет данные, будто где-то здесь, у церкви, захоронен клад с драгоценностями. Захоронил клад предводитель польского отряда еще во времена Лжедмитриев. С награбленным добром поляки бежали на север. Многие погибли от холодов, многих перебили крестьяне, но вот он, старичок, будучи в этих местах еще в гражданскую войну, услышал историю о драгоценностях от беглого старика монаха и решил наконец-то приехать в Студеную. Мирон Евсеич спросил, почему, мол, так долго молчал старичок, но тот ответил, что как раз наоборот, он не молчал, несколько раз обращался к работникам городского музея и даже писал в Москву, но никто ему не поверил. Надо сказать, что и жители Студеной не поверили. Поверил старичку один Сеня-библиотекарь. Он подробно начал спрашивать старичка и

узнал, что клад лежит под большими кедрами, в пятистах шагах от церкви. Тут засомневался в истинности клада и Сеня, потому что кедров даже столетний дед Григорий не помнил. «Не было никаких кедров,— повторял дед.— Сосны были. Это верно. А о кедрах не слыхал». — «А сосны где?» — «Их еще при царе Николке спилили. В японскую. Ох и сосны были! Под небо! В два обхвата. Две лошади одно дерево везли». — «И в каком же месте они росли?» — не отставал Сеня. Дед Григорий указал место, где стояли сосны, и Сеня начал раскопки. Дня три покопал с ним и старичок, а потом уехал. Работал Сеня не покладая рук целое лето, мозоли набил такие, что, на удивление всем, тушил папиросы о ладонь и при этом даже посмеивался. Быть может, Сеня перевернул бы всю землю возле церкви, но его остановил председатель колхоза. «Эх, Семен, Семен, — сказал председатель, глядя на потного библиотекаря. — Сколько земли-то перепахал... Куда там бульдозеру! А у меня поля непаханы». Сеня застеснялся, и больше его за храмом не видели.

Кладом смутила Галинка Вальку Чебыкина. А вдруг Венька действительно что-то разузнал? Для чего он по церкви лазит, по камушкам стучит? Что ищет? А может, уже и нашел?

Вернулась Галинка, притащила два пирога с мясом.

— Корми,— кивнула она на Индуса.— Да смотри сам не съешь!

— А ты куда? — приняхиваясь к пирогам, спросил Валька.

— Корми, корми,— уклонилась от ответа девочка.— Я мигом.

Она нырнула в кусты акации. Валька проводил ее взглядом, глянул на Индуса, хотел позвать его, но рука с пирогом сама потянулась ко рту, и не успел Валька опомниться, как оба хрустящие, зажаренные, теплые пирожка исчезли.

— Ладно,— не глядя на щенка, сказал Валька.— Переживешь. У меня у самого с утра крошки во рту не было.

Индус, словно чувствуя, что его обманули, тихонько взвизгнул. Вальке сделалось стыдно.

— Командирша какая,— пробормотал он уже в адрес Галинки.— Мы и сами с усами. Знаем, что делать.

И он решительно направился в клуб.

Библиотекарь Сеня сидел за столом и читал толстую книгу. Увидев Вальку, он усмехнулся:

— Кина сегодня не будет.

— А Венька где?

— В музее.

— В музее? — удивился Валька.— Ну, тогда и я туда.

Сеня внимательно посмотрел на паренька и серьезно сказал:

— Правильно, Валентин. Кино есть кино, а музей, братец ты мой, это...

Не найдя подходящего слова, библиотекарь сжал кулак и потряс им.

— Тебя проводить?

— Не надо.

Однако Сеня встал, открыл дверь, обитую черным дерматином, и пропустил Вальку вперед.

— Музей — это не выдумка. Это правда,— закончил он свою мысль.— Иди.

Колхозный музей организовал именно он, Сеня. Ездил по деревням, доставал разную старинную рухлядь, сохи, бороны, деревянные ткацкие станки, по-северному — кросны, иконы. Музей занимал три комнаты. В первой находились старинные вещи и дореволюционные орудия труда, во второй — портреты первых руководителей колхоза, документы, фотографии селькора Протасова, которого кулаки повесили на качелях, прямо посреди деревни. Под стеклом лежали награды уроженца Студеной деда Григория, полного Георгиевского кавалера. Одному Сене

известно, каких трудов стоило уговорить старика отдать в музей кровью заработанные кресты. Третья комната называлась «Комнатой славы». Висели там портреты солдат, живых и погибших, лежали на солдатском сукне ордена и медали, комсомольский билет Коли Однорукого со следами высохшей крови, письма, висели отглаженные гимнастерки и выцветшие шинели. Сеня очень гордился музеем. Был у него и небольшой сюрприз. Когда посетители, осмотрев музей, собирались уже уходить, он незаметно нажимал кнопку выключателя — и на темной стене красным загорались буквы: «Никто не забыт, и ничто не забыто».

Валька быстренько миновал две комнаты, хотел было зайти в «Комнату славы», но, увидев Веньку, остановился. Венька стоял перед портретами фронтовиков. На самом видном месте висел портрет Героя Советского Союза Мирона Евсейча Вахрамеева, рядом — Григория Мартынова, еще дальше — Дмитрия Дмитриевича Смирнова, Венькиного деда по матери, а следующим — портрет Валькиного отца. На него-то и смотрел Венька. Портреты живых были сделаны недавно, и потому глядели со стен пожилые мужчины, увешанные орденами и медалями, а на портреты погибших, увеличенные с домашних гражданских фотографий, смотреть было как-то странно: не верилось, что именно они, такие молоденькие, совсем свои, деревенские, воевали. А Васятка-конюх — тот и вовсе казался мальчишкой, с тонкой детской шеей и большими чистыми глазами. Видно, Валька чем-то обнаружил себя или Венька почувствовал его взгляд, потому что он резко обернулся.

— Здорово, — усмехнулся Валька.

— Привет.

— Чего ты на папку моего уставился?

— Слушай, — начал было Венька, но в это время на темной стене зажглись кровавые буквы: «Никто не забыт, и ничто не забыто».

Валька от неожиданности вздрогнул. Венька быстро

выскользнул из комнаты. Когда Валька выбежал из музея, Веньки уже нигде не было. Вынырнула откуда-то Галинка и зашипела:

— Ты зачем в музей ходил? Я кому сказала Индуса кормить? А? Съел пироги, да? Съел?

— Иди ты, дура,— отмахнулся Валька.

— Я вас в окно видела,— не обиделась Галинка.— Ой, Валька, чего я видела-а...

— Чего?

— Будешь обзывать, ничего не скажу!

— Ладно тебе...

— Он в блокноте чего-то записывал. Смотрел и записывал.

— Куда смотрел-то?

— Туда,— показала глазами вверх Галинка.

— А говоришь, клад... Клады не в музее ищут.

— Он, может, для отвода глаз?

«На портреты он смотрел. Вот куда,— подумал Валька.— Клад...»

Он не спеша направился к своему дому.

— Валька,— не отставала от него Галинка.— Завтра с утра пораньше к нему! Мы его выследим! Я ловкая, так запрячусь — век не найдет!

Закричал где-то петух, ему откликнулся второй, третий... С грохотом промчался мимо ребят на мотоцикле тракторист Павел, зять Настасьи Башариной.

Утром Венька выслушал очередную проповедь от матери о том, что он лентяй, каких свет не видывал, что она скоро переломает все его удочки, день-деньской на речке, а хоть бы завалящего пескаря принес, кот побаловал, что молоко он пить большой любитель, а вот корову в стаюшку загнать его нет. Выслушал все это Венька, поднялся из-за стола и молча вышел.

— Что с ним? — спросила Анна Дмитриевна мужа.

— А ты тоже... «Большой любитель»! Он растет. Ему надо, — ответил Венькин отец.

— Я ведь так. Для порядка.

— Пусть гуляет. Скоро в школу, — сказал отец.

— Неладно дело-то, Коля, — заговорила мать. — Будто подменили парня! Молчит. С утра уходит, вечером приходит. С лица спал. И задумчивый какой-то... Неладно. Хоккей не смотрит!

— Действительно, — подумав, ответил отец. — Не смотрит.

— В город ездил. За книжками, мол. Репинские сказали, что книжки привезли. Спрашивала я баб. Не ездили в город репинские. Скрывает он чего-то от нас, Коля!

— Большой стал. Мужик.

— Нехорошее чует мое сердце...

— Сразу уж и чует!

— С чего он про Мишку спросил?

— Про какого Мишку?

— Да это я так, — посмотрев на мужа, ответила Анна Дмитриевна, поднялась и вышла на улицу.

А Венька, свистнув Индуса, привычным путем, огородами, побежал к дому Коли Однорукого. Щенок хотя и заторопился, но как-то нехотя, то и дело оглядываясь. Венька не придавал этому значения, а надо бы, потому что в кустах малинника, стараясь не дышать, лежала Галинка. Она успела накормить щенка конфетами, и, видать, очень понравилось угощение Индусу, если он бежал и оглядывался. Теперь-то уж он ни за что не залает, почуяв Галинку.

Дом Коли Однорукого резко отличался ото всех домов Студеной. В кружевных наличниках, с резным крылечком, выкрашенный в небесный цвет, он был похож на теремок. И хозяйственные постройки — небольшой сарайчик, бань-

ка, двор — тоже были сделаны крепко, ладно и красиво. И все это делал Коля своей единственной рукой.

Венька еще издали увидел хозяина. Коля стоял на крыльце, держал в руке медный ковш и смотрел в небо, восхищенно покачивая головой. Венька тоже глянул вверх и увидел две серебряные точки реактивных самолетов, которые, оставляя за собой широкие непропадающие шлейфы белых полос, стремительно неслись в глубокую синеву. Выбежала из дома Татьяна, девушка лет семнадцати, младшая Колина дочка, мельком глянула на самолеты и куда-то заторопилась.

— Танька! — крикнул Коля. — Женихи твои резвятся! Летуны! Какой твой-то?

Татьяна не ответила, а Коля неторопливо попил из ковша, остатки выплеснул на грядку и ушел в дом. Венька огляделся, обдумывая, куда бы положить фотографию Савраскина так, чтобы она сразу бросалась в глаза, но чтобы и не казалось специально подброшенной, гляделась так, будто ее кто-то случайно обронил. Во дворе стоял чурбак с воткнутом в него топором. Вокруг чурбака валялись поленья. Видимо, Коля колот березовые чурки, которых еще немало валялось во дворе. Венька сообразил, что Коля ушел отнести ковш и вот-вот вернется обратно. Он положил фотографию возле тропинки, ведущей в сарай, на желтеющую траву, изображением вниз, а сам залег в борозду, недалеко от забора. Так оно и случилось, как предполагал Венька.

Коля вышел и снова начал колоть чурки. Работал он на удивление ловко, с одного удара разлетались на две половины широкие чурки. Прошло немало времени, Венька начал уже отчаиваться, что Коля не заметит фотографии, но Коля все-таки приметил. Воткнув топор и аккуратно вытерев руку о подол рубахи, он подошел к фотографии, нагнулся и поднял. Разглядывал он Савраскина долго, улыбался чему-то, неопределенно хмыкал, сунул

фотографию в карман пиджака, висевшего на поленице, снова начал работать, покачивал головой и усмехался. «Нет. Не он,— подумалось Веньке.— Разве предатель станет улыбаться?» К Венькиному счастью, Коля поработал недолго, отшвырнул топор и быстро зашагал в избу, крича на ходу:

— Настя! Настюха!

В одну секунду Венька оказался у поленицы, вытащил из кармана пиджака фотографию и только успел нырнуть в борозду, как на крыльце появился Коля, а следом за ним его жена Настя.

— Иди-ка, иди,— таинственно говорил Коля Однорукий.— Чего покажу-то...

Настя, всерьез заинтригованная таинственностью мужа, послушно шла.

— Глянь,— кивнул Коля на пиджак.— В кармане лежит.

— Да что там такое лежит?!

— Ты глянь, глянь!

Настя залезла в карман пиджака.

— Нет ничего.

— Значит, в другом. — Коля не спеша закурил. — К Татьяне-то нашей солдатик повадился!

— Да уж пора,— ответила Настасья, шаря в кармане.— Нету!

— Как это нету? — рассердился Коля.— Веселый такой солдатик! Танькин ухажер. Обронила, видать, она фотографию. Из этих, летунов,— кивнул он на небо.— Часть-то, сама знаешь, рядом стоит... Да где же она? — вскричал Коля, вывернув карманы пиджака.

— Уж не заболел ли ты, Николай? — серьезно спросила Настя.

— Веселый такой солдатик... Круглолицый,— растерянно говорил Коля.— Заболел... Только сейчас подобрал на этом самом месте, положил в карман...

Настя покачала головой и сердито сказала:

— Старик уж шутки-то шутить!

— Какие шутки! — закричал Коля.— Была она! Была!

Жена махнула рукой и ушла в избу. Коля, ощупывая пиджак, сел и задумался.

— Веселый... Круглолицый,— бормотал он.— А ведь видел я эту фотографию! Видел. Настя! — Коля вскочил, бросился к дому.— Настя!

В окошке показалась Настя.

— Слышь, Настя! Видел я эту фотографию! А когда видел, не помню. Вот так же она исчезла. Будто сквозь землю провалилась! Когда? Веселый такой, круглолицый... Солдат, понимаешь...

— То летун! Из этих,— посмотрела на небо Настя.— А то солдат. Ой, Николай, все-то у тебя, не как у людей...

— Чего ты, чего ты,— забормотал Коля Однорукий.— Тебе серьезно, а ты...

Он вернулся, снова начал было работать, но работа у него не клеилась, и он, присев на чурбак, закурил и обволок себя густым дымом. Венька неслышно пополз по борозде подальше от Коли, потом поднялся и побежал прочь.

Галинка лежала в кустах смородины и, конечно, все видела и все слышала. Теперь она быстро соображала, что за фотография солдатика находится у Веньки, почему она так взволновала Колю Однорукого, а главное, для чего Венька ее показывает. Впрочем, долго раздумывать Галинка не любила, она была человеком действия, а потому быстро отползла подальше, встала, огляделась, перепрыгнула плетень и как ни в чем не бывало пошла по улице Студеной. Решение она уже приняла: надо было срочно достать фотографию солдата. Проходя мимо дома Чебыкиных, она увидела Вальку, сидевшего на ступеньке крыльца с сестренкой на руках.

— Что же ты, Валька? — крикнула девочка. — Ведь договаривались!

— Да вот, — крепко тряхнул сестренку паренек.

По виду Галинки Валька сразу догадался, что она опять что-то разузнала.

— Заходи, — пригласил он.

Галинка открыла калитку, зашла во двор и присела на ступеньку крыльца.

— Мать ни свет ни заря на ферму убежала. Корова там у нее отелилась, а папка на Сиговом поле рожь убирает, — оправдывался Валька. — Куда ее деть? — снова тряхнул он счастливо засмеявшуюся сестренку. — Не выбросишь.

— Иди ко мне, Дашенька, иди, — позвала Галинка, протягивая руки. — Да она у тебя мокрая! Неси штаны!

Валька снял с забора штанишки, подал Галинке, и та, ласково приговаривая, передела девочку.

— Узнала чего? — не выдержал Валька.

— Не ищет Венька никакого клада, — серьезно ответила Галинка. — Он фотографию какого-то солдата показывает...

И Галинка подробно рассказала обо всем, что она услышала и увидела во дворе Коли Однорукого.

— И что будем делать? — спросил Валька, выслушав рассказ.

— Надо фотографию достать, — сказала Галинка. — Ты меня слушай, не пропадешь! Мы его прижучим. Не отвертятся.

Стыдно было Вальке выслушивать девчоночьи поучения, но жгла его обида на друга, и он молча согласно кивал головой.

Глава шестая

Василий Васильевич

Целое утро крутились Галинка и Валька возле Венкиного дома, но Венька не появлялся, да и вообще никто не выходил из избы Захаровых — ни Венькин отец, ни мать, и даже Индуса нигде не было видно. Галинка приказала Вальке ждать, сама убежала куда-то, вернулась быстро и сообщила, что Венька вместе с отцом и матерью уехал на Красный остров за сеном.

— Кто сказал? — спросил Валька.

— Верста. И еще, Валька, она знаешь чего сказала?

— Ну?

— Вы, говорит, хулиганье. Чугун у меня сперли, а Веня парень хороший. Красный следопыт.

— Чугун, — хмыкнул Валька. — Он и весил-то всего ничего.

— Ага! Проговорился!

— Жарко, — заметно смутившись, сказал Валька. — Искупаться бы!

— Стыдно стало?

— Чего стыдно, чего стыдно! — забормотал Валька. — И чугун-то был с дыркой.

— А Верста говорит, новый.

— Она наговорит. Только слушай. Идешь на Стригу?

— Идем,— согласилась девочка.

Задами миновав деревню, они вышли к речке, спустились к воде, Валька уже стянул рубашку, как вдруг откуда-то издали послышался лай.

— Индус! — крикнула Галинка. — Точно! Значит, и Венька с ним. — Она на секунду задумалась. — Валька! Ныряй в воду и притворись, что тонешь!

— Зачем?

— А я тем временем фотографию цапну.

— В карман полезешь? — хмуро спросил Валька.

— Тогда я притворюсь!

— Так он и поверит! Не дурак какой-нибудь.

— Поверит! — Галинка сделала несколько шагов к речке. — Ныряю!

— Я в карман не могу. Я лучше притворюсь.

— Кричи громче,— наставляла Галинка. — «Тону! Тону! Спасите!»

— Учи ученого,— буркнул Валька, решительно зашагал в воду и нырнул.

Пройдя под водой несколько метров, он встал, но глубина была небольшая, всего по грудь, и он снова нырнул и поплыл под водой. Возле коряги неподвижно стояло темное живое полено. «Налим!» — ахнул про себя Валька, хотел приглядеться получше, но не хватило воздуха. Ряби на реке не было, и налим хорошо различался. Здоровенный, с широкой спиной, он лениво шевелил плавниками, поднимая мелкие песчинки. Валька посмотрел на берег, увидел Веньку и закричал:

— Венька-а-а! Нали-им! Здоровенный! Плыви!

— Вре-ошь?!

— Рядом стоит! Шевелится!

Оглянувшись, Венька вытащил из-под рубашки фотографию Савраскина, положил ее на песок, быстро разделся и побежал к другу.

— Где? Где он?

— Тихо,— зашипел Валька.— Как его взять? Острогу бы надо или вилку...

Валька совершенно забыл про Галинку, зато Галинка знала свое дело. Как только Венька забежал в речку, она выскочила из ивняка, где до этого времени хоронилась, схватила фотографию и убежала. Даже на Индуса, который при виде девочки радостно закрутил хвостом, не обратила никакого внимания.

Мальчики приступались к налиму и так и этак, Валька подводил руку к жабрам, но, чувствуя прикосновение, налимом делал рывок, отплывал немного и снова останавливался, темный, таинственный, похожий на живое полено.

— Так нам его не взять,— сказал Валька.— Только зря напугаем. Надо за острогой бежать.

— У меня ножик есть,— припомнил Венька.

— А молчишь! Давай быстрее!

Венька побежал на берег. Он поднял рубашку, брюки, вытащил нож из кармана, бросил одежду обратно на песок и уже побежал в воду, но на полпути остановился. Вернувшись, он перебрал и перещупал вещи. Фотографии не было. Забыв про налима, Венька побрел по песку, думая, что, роясь в одежде, выронил фотографию.

— Эге-гей-гей! — закричал Валька.

Венька даже не посмотрел в сторону друга.

— Индус! — позвал он.— Ищи, Индус!

Индус, громко взлаивая, забегал по песку. Снова закричал Валька, не выдержав, вышел на берег и, глядя на сосредоточенное, серьезное лицо друга, спросил:

— Потерял чего-то?

— Нет,— ответил Венька и свистнул.— Пошли, Индус!

— Венька! — окликнул его Валька.— Фотографию потерял, да?

Венька вздрогнул, глянул на друга, и Вальке показалось, что он сейчас бросится на него драться, но Венька взял себя в руки и усмехнулся:

— Я ничего не терял.

Он еще раз свистнул щенка и пошел прочь. Валька подобрал одежду и побежал следом.

— Слышь, Венька, думаешь, я ничего не вижу? — бубнил он. — Мы тоже кое-что знаем, не протреплемся. Между прочим, кто первый тебе ход подземный показал? Я. А Ваське кто в ухо дал? Опять же я. За кого? За тебя. Они меня поймали, излупить хотели. А я ничего, не испугался. Я за друга в огонь и в воду...

Венька шагал молча.

— Я знаю, у кого фотография солдата, — сказал Валька.

Венька резко остановился.

— У кого?

— А говоришь, не терял...

— У кого? — повторил Венька.

— У Галинки.

— Следили? Шпионили?

— Ну и следили! Ты тоже, друг... Я от тебя никогда, ничего. Знаешь, как обидно?

Венька долго смотрел на друга, потом сказал:

— Пошли.

Он привел Веньку на сеновал, достал из-под постели белый узелок.

— Поклянись, Валька, что никому не расскажешь.

— Землю есть? Кровью? — спросил Валька, загибая рукав рубашки. — Давай ножик!

Венька подумал немного.

— Кровью не надо, — сказал он. — И землю есть ни к чему. Ты просто поклянись.

— Клянусь.

Венька развязал узелок, вытащил дневник и подал его Вальке.

— Читай.

И пока Валька читал дневник Мишки Башарина, он

лишь изредка посматривал в его сторону, чистил краем шерстяного одеяла медали и орден Савраскина. Прочитав дневник, Валька долго молчал, потом спросил:

— Папке моему показывал?

— Нет. — Венька посмотрел на друга и уверенно заговорил: — Василий Васильевич не такой! Он никогда! Что ты! Он до Берлина дошел! И орденов полная грудь!

— Мишка всем показывал. Даже Мирону Евсеичу. Герою! Как же так, Венька? Свой, деревенский, и наших, пленных, беззащитных?

— Мне Верста говорила, что и не купался уже никто. Холодно было. А мамка моя до сих пор не верит, что Мишка утонул.

— Эх, Венька,— с горечью произнес Валька.— Не поверил. Да меня хоть на костре жги, хоть на кресте распинай — ничего не скажу.

— Из-за отца я твоего молчал.

— А что отец? Если он...— Валька не договорил, Венька перебил его:

— Брось ты, Валька! Говорю, Василий Васильевич не такой. Не мог он! Я всех фронтовиков переписал. Два брата Савельевых. Николай и Петр. Оба на Камчатке.

— Далеко. Не добраться.

— Надо будет — доберемся.

— Если надо, то конечно...

— Шаров Федор Федорович. Генерал!

— Может, он и есть?

— Ты скажешь!..

— А что? Вон я в кино видел: полковник, а тоже этот...

шпион.

— В Ленинграде живет.

— И адрес знаешь?

— Узнаем.

— Он письмо деду Григорию послал. Сулится приехать. Жди, мол, дедушка, не умирай.

— Тимофей Сергеевич Аржаков.

— Этот часто бывает. И все на «Волге».

— И двое в районе живут. Один директор райпотребсоюза, а другой на заводе работает. Дядя Никаша.

— Седой, хроменький и добрый такой,— припомнил Валька.

— А теперь Галинку надо искать. У нее язык долгий. Проговорится или покажет кому фотографию — и пиши пропало.

— Она на колокольне. Меня ждет.

— Пошли.

Ребята вышли на улицу и побежали к церкви. Увязался за ними и верный Индус. Впрочем, какой же он верный?

Галинка действительно стояла на колокольне и ждала Вальку. Фотография показалась ей неинтересной. Ну, солдатик и солдатик. Но, припомнив слова Коли Одноногого о том, что он где-то уже видел эту фотографию, она пригляделась к ней повнимательнее. Смешливый, круглолицый, молодой, в гимнастерке. Нет, ничего интересного. Снизу послышался свист. Галинка выглянула в проем колокольни, увидела Вальку и закричала:

— Давай быстрее!

Валька поднялся на колокольню.

— Целый час жду...— начала было девочка, но в это время донесся лай Индуса.— Венька,— шепнула она.— Бежим!

— Фотографию давай,— грубовато сказал Валька.

Галинка посмотрела на него, и что-то, видимо, не понравилось ей в выражении лица ее сообщника.

— Сейчас,— ответила она, полезла за ворот платица, глянула вниз и увидела бегущего к церкви Веньку.— Ага,— догадалась она.— Сговорились?

Валька решительно шагнул к девочке. Вид его ничего хорошего не предвещал. Галинка вдруг метнулась к лестнице и побежала.

— Венька-а! — заорал Валька.— Держи ее!

Галинка забежала в полутемную большую камору и прислонилась к стене.

— Она здесь! Здесь! — азартно кричал Валька.— Гляди не пропусти! Она хитрая! Все ходы-выходы знает!

Послышалось частое Валькино дыхание, шаги. Галинка приникла к стене, затаилась. Валька зашел в камору и, конечно же, сразу приметил девочку.

— Попалась? — злорадно спросил он.— Давай фотографию!

— А я ее выбросила,— отходя от стены, спокойно сказала Галинка.

В дверях каморы показался запыхавшийся Венька.

— Говорит, выбросила,— усмехнулся Валька.— Врет.

— Отдай, Галинка. Хуже будет.

Мальчишки медленно придвигались к девочке.

— Двое на одну, да? — отступая, спросила Галинка.

— За пазухой она,— хмуро сказал Валька.

— Только попробуй, только попробуй! Предатель! За-кричу!

И Галинка действительно закричала, да так пронзительно, так громко, что мальчишки в нерешительности остановились. Потом Валька, для чего-то поплевав на ладони, двинулся вперед. Галинка снова закричала, но Валька, обхватив одной рукой девочку, второй полез за ворот платица.

— Здесь она, Венька! Здесь! Ой! — вдруг заорал он, хватаясь за плечо.— Укусила.

Галинка рванулась к двери, успела показать мальчишкам язык и побежала вниз по лестнице, часто-часто перебирая ногами.

— Врешь, не уйдешь,— шипел Валька, прыгая сразу через две-три ступеньки.

Догнал он Галинку лишь на улице, возле тополя, обхватил девочку за талию и вместе с ней повалился на траву. Подоспел Венька. Галинка закричала.

— Теперь кричи не кричи — все равно отберу,— пыхтел Валька.— Кусаться вздумала? Я тебе покусаясь...

И в это время поблизости раздался милицейский свисток. Ребята разом оглянулись. К ним легко, как молодой, бежал участковый Мирон Евсеич Вахрамеев.

— Тикай! — крикнул Венька.

Мальчишки бросились наутек. Мирон Евсеич еще раз свистнул, подошел к девочке, покачал головой.

— С таких лет и уже по запаухам? А? Это что же делается-то на белом свете... Ничего, Галинка. Вечером шкуру-то мать с отцом с них спустят.

— Не надо,— застегивая платице, попросила Галинка.

— Что? — не понял участковый.

— Не надо никому ничего говорить.

— Вот те и раз! — удивился Мирон Евсеич. — Это почему же?

— Так.

Бахрамеев подумал немного и решительно сказал:

— Не могу, милая. Я кто?

— Милиционер.

— Участковый уполномоченный я. И, между прочим, старший лейтенант. Какая, значит, моя первая обязанность?

— На мотоцикле кататься.

— Порядок! Порядок — моя первая обязанность. Понятно?

— Ага.

— А с тобой, понимаешь, можно сказать, полный беспорядок получился.

Мирон Евсеич посмотрел на девочку, строго покашлял и не спеша зашагал по дороге.

— Дядя Мирон! — бросаясь следом, крикнула Галинка. — Не говорите!

Участковый остановился, посмотрел на девочку и начал закуривать.

— Да-а, времена-моменты, — протянул он. — Это что же получается? Черт те что получается! Хулиганство налицо, а я, значит, должен молчать?

— Они не хулиганы.

— А это уж мне позволь решать. Да ты, Галинка, не бойся. Не тронут. А если тронут, у меня разговор короткий!

— Дядя Мирон, а если я вам что-то скажу? Секретное!

— Секретное? Говори.

— Дайте слово, что никому не расскажете?

— Ладно, — внимательно посмотрев на девочку, решился участковый. — Даю.

— Они фотографию хотели отобрать.

— Какую фотографию?

— Отвернитесь.

— А?

— Отвернитесь, говорю!

— Ага,— дошло до Мирона Евсеича. Он отвернулся, подождал.— Готово?

— Готово,— ответила Галинка, протягивая фотографию.

Вахрамеев долго смотрел на фотографию, хмыкал, покачивал головой, курил, часто и глубоко затягиваясь.

— Занятная карточка. Они для чего у тебя ее отнима-

ли-то? Да ты говори, коли уж начала. Видел я этого солдатака. Давно, правда, было...

— Вот и Коля Однорукий видел!

— Да ты-то откуда знаешь?

— Я Веньку выследила. Он ему фотографию показывал. А Коля и говорит: «Видел я эту фотографию». А вот когда — так и не вспомнил.

— А я помню,— сказал Мирон Евсеич, но сразу же перевел разговор.— Рассказывай, Галинка, рассказывай. Он как показывал — тайно или открыто?

— Тайком. Подложил на траву, спрятался и ждет. Дядя Коля поднял, долго удивлялся, позвал тетю Настю и говорит: мол, жениха Танькиного нашел! В кармане лежит.

— В каком кармане? — не понял Мирон Евсеич.

— Коля в карман фотографию-то положил, а пиджак повесил на поленницу.

— Ну-ну, дальше что было?

— А и правда, дядя Мирон, Танька с солдатом гуляет. Сама на танцах видела.

— Молодец,— похвалил девочку участковый.— Тебя бы ко мне в разведку, понимаешь.

— Венька, пока Коля за тетей Настей ходил, и вытащил фотографию. Тетя Настя и заругалась. «Из ума, говорит, выжил, старый дурак, иди, говорит, лечись! Небось, говорит, выпил, вот тебе и кажется!..» — начала придумывать Галинка.— Ушла она, тут Коля и припомнил, что он видел где-то фотографию.

— Дело ясное, что дело темное,— задумчиво произнес Мирон Евсеич.— Ну, что Венька красный следопыт и что все вы красные следопыты, это я знаю. И что Венька письмо из Москвы получил, тоже известно. В город ездил. За учебниками. Погодь, погодь... Хм... За учебниками... А я сго где видел? Точно! В больнице.— Мирон Евсеич снова пригляделся к фотографии.— Занятная карточка... Значит,

так, Галинка. Никому ни гугу! Молчок! Тут дело нечисто. Я, Галинка, старый разведчик. Ста-арый... Да и тебя на мякине не проведешь. Мы посмотрим, кто кого! Карточку эту я у тебя возьму, а ты скажи, потеряла, мол.

— Не поверят.

— Ничего. А ты все равно скажи.

— Дядя Мирон, а где вы видели солдатака?

— Потом, Галинка, потом. Договорились? Ни гугу!

Мирон Евсеич спрятал фотографию Савраскина в бу-мажник и прямым ходом направился к Венькиной матери.

Анна Дмитриевна поливала огород. Заметив участко-вого, она спросила:

— Мой не натворил ли чего, Евсеич?

— Да нет, Анюта, наоборот. Хвалить иду.— Мирон Евсеич прислонился к забору.— Каковы огурчики?

— Грех жаловаться, Евсеич. Один к одному, как солда-тики.

— Солдатики,— повторил участковый.— Купил Вень-ка учебники?

— Какое! — вытирая руки о фартук и подходя, заго-ворила Анна Дмитриевна.— Прямо беда. Скоро в школу, а учебников нет. О чем только учителя думают?

— Учителя здесь ни при чем,— резонно заметил Мирон Евсеич.— Ты пораскинь, сколько миллионов ребятшек в школу пойдет? То-то и оно. Десятки! А каждому, понима-ешь, новенькие учебники... Твой Вениамин вроде ездил за ними в город?

— Ездил,— помолчав, ответила Анна Дмитриевна.— За что хвалить его собираешься?

— Хвалить-то? — задумался участковый.— Красный следопыт ведь он у тебя. Письма, говорят, из самой Мо-сквы получает... Это большое дело — быть следопытом. Вот за это самое, что не хулиганит, добрым делом занимается, и хочу похвалить.— Мирон Евсеич помолчал, покурил.— Он моего дружка разыскивает.

Участковый, не зная, кого именно разыскивает Венька, умолк, ожидая, что Анна Дмитриевна сама скажет, и не ошибся.

— Пришла ему бумага на Степана Ивановича, пришла. Сообщили, что пропал без вести. Ходил он к тетке Настасье. Чего уж она ему рассказала — не знаю, только видела, как они письмо с Валькой сочиняли.

— Слышал я, будто и второе письмо он получил.

— Спрашивала. А он... — Анна Дмитриевна задумалась. — Что же он ответил? Да ничего не ответил. Получил, мол. Все то же. Без вести. Чудной он стал в последнее время, Венька-то мой. Все больше молчит. С утра уходит на рыбалку, а рыбы не приносит...

— Не приносит? — повторил Мирон Евсеич.

— И еще один разговор у меня из ума не выходит, — продолжала Анна Дмитриевна. — Рассказала я ему о Мишке Башарине. Нас женихом и невестой дразнили. Ты должен помнить.

— Помню, помню... Как же! Жених да невеста. Хорошо помню.

— Вот, значит, я возьми да и скажи: мол, до сих пор не верю, что Мишка своей смертью умер...

— Ты чего такое несешь, Анюта? — перебил участковый. — Ты подумай, чего несешь-то!

— А я думала, хорошо думала. Я и следователю говорила, и тебе, Евсеич. Да вы после войны будто ошалелые были. Очерствели душой. Да и понятно. Столько смертей наглядеться! Поневоле очерствеешь.

— Да, да, — произнес Мирон Евсеич. — Припоминается мне такой разговорчик...

— Да еще узелок этот...

— Какой такой узелок? — чуть не закричал участковый.

— Беленький...

— Пойдем-ка, Анюта, в избу. Чайку поьем да и пого-

ворим ладком. И про узелок, и про август месяц сорок пятого...

И, шагая к крыльцу, вдруг припомнил Мирон Евсеич вечер, как играл он на гармони, как плясали бабы и кричали частушки, как появилась перед ним фотография солдата и как сказал он Мишке, чтобы он поднял ее. И Мишка поднял. А куда же он девал ту фотографию? «Ах, разведчик, разведчик,— сердцем чувствуя неладное, ругал себя участковый.— Герой липовый! Права Анютка, очерствели душой после войны...»

Ничего не утаила от Мирона Евсеича Венькина мать, все рассказала. И про узелок, и про мужчину в церкви, и про то, как шел Мишка на руках к березе, и что Венька обманул ее, не ездил он за учебниками, а где был, ей неизвестно.

— Так, так,— приговаривал Мирон Евсеич, слушая рассказ Анны Дмитриевны.— Все?

— Как на духу, Евсеич. Все высказала. С моим, сам знаешь, много не поговоришь, а молчать тоже не могу. Вижу, скрутило мальчонку.

— Ты вот что, Анюта,— сказал Мирон Евсеич.— Не ругай его. И ни о чем не беспокойся.

— Неужто есть, Евсеич, о чем беспокоиться?

— И пусть он на рыбалку ходит. Не ругай. Рыбы, я слышал, и впрямь не стало. Выдра балует. И опять же говорю, ни о чем таком не думай. Не сомневайся. Теперь-то уж...

И участковый крепко сжал кулак. Потом он попрощался и ушел. По пути к избе Башариных он сопоставлял известные ему факты и все больше уверялся, что дело нечистое. Конечно, Мишка подложил ему фотографию. Больше некому. Для чего? Венька, разыскав где-то фотографию, снова подкладывает, и не кому-нибудь, а фронтовику, Коле Однорукому. Откуда у Веньки фотография? Где нашел? В узелке? Как же тогда-то, в сорок пятом, не обратил он

внимания на Аниюткины слова о каком-то дяденьке в церкви. Говорила она. Помнится, в избе Коли Однорукого и говорила. Или у Григория Мартынова? Нет. У Коли. Кто был в избе? Все были. Все фронтовики.

А что за дяденька был в церкви? Надо полагать, что Мишка показывал фотографию сразу же по приезде фронтовиков. К примеру ему, Мирону Евсеичу, он показал сразу. Утонул Мишка в августе. Кто в августе пришел? Коля Однорукий, Василий Чебыкин, Тимоха Аржаков... Трое. Значит, кто-то из троих. Ну, с Колей и Василием разобраться можно хоть сейчас, а вот с Тимохой... Далеко живет Тимофей Аржаков. Кто-то из троих молился и в церкви, если предположить, что предатель и неизвестный в церкви — одно и то же лицо. Для чего он пришел в церковь, какие грехи отмаливал?

Настасья была дома не одна, с зятем. На вопрос Мирона Евсеича о Веньке она охотно ответила:

— Был у меня Веня. Хороший парень. Все у него по-серьезному, по-деловому.

Павел сидел за столом, обедал.

— Чем недоволен? — спросил его участковый.

— Известно чем, — сказала Настасья. — Зины дома нет.

— Ей дохнуть некогда, — защитил Настасьину дочь Мирон Евсеич.

— Непорядок, — хмуро произнес Павел. — Жена есть жена.

— Венька-то для чего к вам приходил? — равнодушным тоном спросил участковый.

— Письма Степановы читал. Писал чего-то. Про какого-то Петруху. Так, что ли, Павел?

— Вроде.

— Петруха-то кто такой?

— Вычитал про него Вениамин в письмах. Он красный следопыт, Веня-то.

— Петруха Савраскин, — оживляясь, сказал Павел. —

Венька и на него запрос сделал. Шерлок Холмс! Да вот только ничего путного ему не сообщили.

— Савраскин,— словно бы запоминая, проговорил Мирон Евсеич.— Нашла чугуи-то, Настасья?

— Где найдешь? Сдали. Да я не в обиде.

Мирон Евсеич посидел немного, пожурил Павла за то, что тот быстро ездит по деревне, попрощался и вышел. «Ну, что же, Мирон,— шагая по улице, подумал он.— Надо ехать в город. В больницу. У Веньки ты ничего не узнаешь».

Подойдя к своему дому, он вывел из небольшого гаражика служебный мотоцикл, посмотрел на часы, решил, что до вечера обернется, и сел в седло.

Он, конечно, не мог знать, что с колокольни смотрели на него Валька и Венька.

— Уехал,— сказал Валька.

— Уехал. О чем он с мамкой разговаривал? Вот что интересно...

— Если она ему рассказала...— Валька не договорил, посмотрел на Веньку и шепотом произнес: — Папка...

По деревне, с удочкой на плече, шел Валькин отец, Василий Васильевич Чебыкин, высокий, худой, такой же рыжий, как и Валька. Остановился возле забора Григория Мартынова, крикнул что-то и свернул к речке.

— Ты можешь не ходить,— не глядя на друга, сказал Венька.— Я один. Он куда?

— Под Ивановскую мельницу. Вчера говорил, щуки там прыгали.

— Ну, я пошел,— помолчав, сказал Венька и начал спускаться вниз.

Валька молча пошел следом.

Василий Васильевич тем временем уже забросил удочку на живца и неторопливо закурил. Недалеко полоскали белье женщины, переговаривались, и Василий Васильевич с неудовольствием подумал, что рыбалки не будет.

Венька и Валька стояли в густом ивняке.

— Иди,— глухо произнес Валька.

— Народ,— кивнул Венька на женщин.— Да и не подойдешь незаметно.

Василий Васильевич терпеливо смотрел на поплавок, однако, когда женщины уж слишком громко разговорились, а одна из них с силой стала хлопать по воде мокрым полотенцем, он не выдержал и закричал:

— Какой леший приволок вас сюда!

Смотав удочку, он направился вдоль берега. Венька вдруг бросился в глубину ивняка, забежал вперед и как ни в чем не бывало пошел навстречу Василию Васильевичу.

— Здравствуйте, дядя Вася! — беззаботно поздоровался он.— Поймали чего?

— Тут поймаешь...

— А на Заячьих перекатах хариусо-ов... Кишит!

— Кишит, — недовольно повторил Василий Васильевич, но все-таки приостановился.— Ловил сам-то?

— Вчера десяток принес! Во!

— Раньше там они водились,— задумчиво произнес Василий Васильевич.— Далеко...

— Рядом!

— А то я не знаю, где перекаты... Точно принес?

— Один взвесил — полкило потянул! Могу и место показать.

— Может, сходить? — вслух сказал Валькин отец.— Идем.

Валька видел, как подошел Венька к отцу, неясно различая слова. Ему тоже хотелось легко и беззаботно, как Венька, говорить с отцом, но он знал, что не сможет этого сделать: выдаст его голос, или глаза выдадут, или просто-напросто разревется он. В глубине души Валька был убежден, что не может быть отец предателем, но Мишка ни слова не написал о фронтовике, а значит, надо проверить.

Спотыкаясь о коряги, хоронясь в кустах, торопился следом за Венькой и отцом Валька Чебыкин.

— Скоро ли? — спросил Василий Васильевич.

— Два переката пройдем, а на третьем их... Кишит, — повторил Венька.

— Поглядим, поглядим, — недоверчиво пробормотал Балькин отец.

Миновали два переката, подошли к третьему. Погода была тихая. Где-то часто и беспокойно крикала утка. Катилась, позвенивала прозрачная вода.

— Здесь, — сказал Венька. — Закидывайте сюда.

Разматывая удочку, Василий Васильевич, внимательно оглядывая место, размышлял вслух:

— Должна быть здесь рыбешка. Должна. Место хорошее...

Он закинул удочку и присел на корягу.

— Эх, под Сталинградом я повидал рыбы-то! — припомнил он. — На Волге-матушке. Ползешь, бывало, за водичкой, налетят они и давай бухать. Штучки такие всплывают, что те баржи! И все брюхом кверху. Оглушенные. Плывут по течению, не шевелятся. И взять нельзя. Убьют. Вот уж рыба так рыба! Белуга называется.

— Дядя Вася, а вы, говорят, до Берлина дошли? — спросил Венька, незаметно кладя фотографию на песок рядом с корягой.

— Дошел. А вот Победу так и не встретил. Дружки мои на рейхстаге фамилии писали, а меня как звездануло седьмого мая, так только девятого и пришел в себя. Очнулся и первым делом спрашиваю, как дела на фронте. Ребята смеются. «Какой фронт! — говорят. — Победа! По двести граммов водки тянули и твою долю разделили». И так-то мне больно стало, так-то обидно... — Василий Васильевич засмеялся и покачал головой. — «Эх, говорю, ребята, ребята! Разве я не заслужил? Я и под Москвой кровушку лил, и под Сталинградом, и здесь, говорю, в Бер-

лине, звездануло, а вы? Эх!» Отвернулся и чуть не заревел. Не водки жалко — обидно, что не отпраздновал Победу. Ребята видят такое дело, загоношились. Закостылял один. Вернулся скоро, протягивает стакан: пей, мол, празднуй. «Чья водка?» — спрашиваю. А он: «Не сомневайся. Все в полном ажуре». — «Тогда, говорю, поздравляю, дорогие товарищи, с Победой». Ну и выпил, значит. — Василий Васильевич помолчал, потом, глядя на неподвижный поплавок, с сердцем произнес: — Хариусы! Полкило! Самое дрянное дело место менять. Надо бы уж там оставаться...

И в этот момент поплавок резко повело вниз. Василий Васильевич подсек, потянул удилице на себя. Из глубины, двигая плавниками, голубоватый, большой и прохладный, стремительно взметнулся в воздух хариус.

— Ну, Венька! Ну, молодец! И в самом деле хариус...

Осторожно сняв с крючка рыбину, Василий Васильевич потянулся за ведерком, увидел фотографию, но сразу не стал поднимать ее, а вначале положил хариуса в ведерко, плеснул воды и, обтерев руки, взял фотографию. Венька не отрывал взгляда от Валькиного отца. Смотрел на отца и Вальку. Он смотрел из кустов ивняка, весь напряженный, готовый в любой момент прийти на помощь другу.

— Что за чудеса? — проговорил Василий Васильевич. — Вроде как фронтовик? Глянь, Венька!

— Танькин ухажер это.

— Какой Танькин? Фронтовик. Пехота-матушка. И эмблемы по-старому прикреплены. Откуда?

— Выронил кто-то.

— Да уж не сама выпала. Я таких и не видывал. Похож маленько на Егорку с Плеса, но не он. Нет. Не он. Ладно, — решил он, пряча фотографию в карман. — Разберемся. Ну, ты молодец, Венька! Теперь только закидывай. Хариус поодиночке не ходит. Ну, молодец...

— Я пойду, дядя Вася.

— А то порыбачь. Леска у меня есть.

— Пойду,— решил Венька.

— Иди, иди,— забрасывая удочку, сказал Василий Васильевич.

А Валька стоял в ивняке и плакал. Подошел к нему Венька, толкнул в бок.

— Фотографию надо забрать,— сказал он.— Говорил тебе, что Василий Васильевич никогда...

— Фотографию мы заберем... Это ерунда,— улыбаясь сквозь слезы, ответил Валька.— Это, Венька, ерунда...

Глава седьмая

На кладбище

Из города Мирон Евсеч вернулся засветло. Хотя солнце уже закатилось, но на западе широко разлилось красное зарево заката, далеко и ясно высвечивая окрестность.

В городе Мирон Евсеч встретился с главным врачом больницы, и тот сразу припомнил Веньку.

— Красный следопыт,— улыбаясь, повторял он.— Смысленный мальчишка. Интересовался он Савраскиным. Чем мог, тем и помог. Ходил он к бабке Агнюше, бывшей санитарке. Документы Савраскина поднял. Ведь он тут умер. И похоронен на местном кладбище...

Просмотрел Мирон Евсеч документ, подивился огромному количеству больничных папок в архиве и, не теряя времени, помчал к бабке Агнюше. Выслушав ее рассказ о приезде Мишки Башарина, он уже был почти уверен, что не своей смертью погиб мальчишка. Ах, война, война, война-войнушка...

Проезжая мимо избы Чебыкиных, Мирон Евсеч увидел Василия Васильевича и Колю Однорукого. Весь вид старшего Чебыкина выражал полную степень растерянности. Участковый заглушил мотор и направился к мужчинам.

— Вот сюда, в этот карман положил,— говорил Василий Васильевич, хлопая по пиджаку.

— Что положил-то? — спросил Коля.

— А-а,— отмахнулся Василий Васильевич.— И куда девалась?

— Бывает,— согласился Коля.— Я вот тоже положил в карман одну вещицу, а она и пропала. В один момент! Оглянуться не успел! Так что потерял-то?

— Фотографию. Будь она пеладна! Должно, вырвал...

— Какую фотографию?

Василий Васильевич посмотрел на побледневшее Колино лицо, громко кашлянул.

— Фотографию-то? — повторил он.— Солдатика одного...

— Круглолицый такой солдатик?

— Ага.

— Смешливый?

— Улыбается...

— И вроде фронтовик? Медалька у него на гимнастёрочке?

— Медалька? И мне показалось! Да ты-то откуда знаешь?

— Дай закурить,— сказал Коля.

Они закурили, поглядывали друг на друга.

— Привет, мужики! — подойдя, сказал Мирон Евсеич, посмотрел в ведро, где плавали хариусы. — Никак, хариусы?

— Они,— ответил Василий Васильевич.— Слышь, Мирон, зайди-ка на минутку.

— Здесь говори.

— Тут такое дело, что сразу и не объяснишь.

— Карточки пропадают,— сказал Коля.

— Что за карточки?

— Фотографии. Солдатика одного. И кажись, фронто-

вик солдат-то. Кругленький такой, смешливый. С медалькой.

— Точно. Фронтовик,— твердо заявил Коля Однорукый.— Я ночь не спал, все думал. И вспомнил! В сорок пятом я видел эту фотографию. Точно! У меня глаз не соврет! Здесь и видел. В Студеной. В избе у себя. И вот тоже пропала...

Мирон Евсеич вытащил из нагрудного кармана фотографию, показал мужчинам. Они посмотрели и удивленно уставились на участкового.

— Служим. Не дремлем,— усмехнулся Мирон Евсеич и строго оглядел мужчин.— Мне вас учить не надо. Сами фронтовики. Никому ни слова.

— Понятное дело,— сказал Василий Васильевич.— Я-то в первый раз вижу.

— Можешь не волноваться,— уверил Коля Однорукый.

Мирон Евсеич подошел к мотоциклу, завел и поехал. «Вот те и следопыты,— думал он.— Красные. Ох, натворят они делов...»

Возле избы Башариных стояла голубая «Волга». Настасья сидела на завалинке.

— Это кто же приехал? — спросил участковый, оглядывая машину.— Никак, Тимоха?

— Он.

— В отпуск?

— Почитай, каждый год ездит,— охотно заговорила старуха.— Не забывает родных мест.

— Еле дотянул,— сказал Мирон Евсеич.— Бензин кончился. Сам-то он где?

— На кладбище ушел.

— Чего он там забыл? — насторожился участковый.

— Да все я. Возьми да и скажи ему: мол, Мишина могилка заросла. Он и говорит: «Не беспокойся, все обделаю». Взял лопатку и пошел. Уважительный человек Тимофей

Сергеевич. «Мимша, говорит, как сын родной мне. Со Степаном, говорит, вместе воевали...»

— Вместе... — то ли спросил, то ли просто так сказал участковый и яростно крутнул рукоятку завода.

Мотоцикл не завелся. Мирон Евсеич посмотрел в сторону кладбища и вдруг скорым шагом пошел по улице, потом побежал.

Он бежал к кладбищу по узкой твердой тропинке. Ветки кустов хлестали его по лицу. Послышался рядом детский выкрик, и участковый застыл как вкопанный.

— Кто здесь? — громко крикнул он.

В кустах были Валька и Галинка. Валька зажимал ей рот.

— Венька где?

— Не знаю, — быстро ответил Валька.

— Врет он! Врет! За дядей Тимофеем он побежал!

Мирон Евсеич махнул рукой и побежал дальше. Валька и Галинка бросились следом.

Тимофей Сергеевич Аржаков, плотный представительный мужчина, одетый в серый костюм и светлые туфли, шел по кладбищу. Шел он медленно, часто останавливался, рассматривал памятники, читал надписи, шел в сторону Мишкиной могилы.

Венька, до этого стоявший в кустах, пополз между могильными холмами, нашел деревянный крест Мишки Башарина и положил на могилу фотографию Савраскина. Потом он отполз в сторону и спрятался за мраморный старинный памятник.

Аржаков подошел к Мишкиной могиле, прислонил лопату к дереву, долго смотрел на исцветшую фотографию, заметил белый квадратик, наклонился, поднял, приблизил к глазам и вдруг тонко, по-заячьи, закричал и медленно осел на землю. Ему вдруг почудилось, что древнюю тишину сельского кладбища распоролла неудержная шквалистая автоматная очередь.

Близко, совсем близко приблизил к глазам фотографию Тимофей. Смотрел на него Савраскин, чуть посмеиваясь, с любопытством...

Он так же смотрел тогда, в сорок втором, стоя на краю обрыва рядом со Степаном Башариным. А было так.

Низенький офицер в сопровождении двух солдат медленно шел вдоль неровного строя русских. Порой он останавливался, замирал на секунду, но, поймав презрительный взгляд, усмехался и шел дальше. Остановился он и перед Савраскиным. «Чего уставился, дурак?» — спросил Савраскин и улыбнулся. Офицер перевел взгляд на Степана Башарина и сразу же отвел — столько спокойствия было во взгляде солдата. Тимофей смотрел на офицера решительно и ненавидяще. «Стреляй, гад!» — крикнул Тимофей, но в его глазах офицер заметил смятение и страх. «Стреляй, сволочь!» — рванув на груди гимнастерку, снова крикнул Тимофей.

Офицер кивнул, и два солдата поволокли Тимофея и поставили его перед пленными. Офицер приставил к его виску пистолет, еще двое солдат уперли автоматы ему в спину. По знаку офицера подали автомат Тимофею. «Стреляй. Будешь жить. Считаю до трех», — по-русски приказал офицер. Степан смотрел на Тимофея спокойно, ободряюще. И Савраскин поднял голову, улыбнулся. «Раз!» Горел закат. Большое небо висело над головой. Журчал где-то ручей. «Два!» Видел Тимофей только два лица, Степана и Савраскина. Степана он знал с детских лет, а Савраскина жалел по молодости, помогал ему, поддерживал, да и Степан много хорошего рассказал о нем. Слаб был Савраскин, изранен... А кругом было тихо, лишь журчал ручей, синело небо. Ведь все равно расстреляют! А так он будет жить. Жить! «Три!» Тимофей нажал спусковой крючок. Савраскин упал как подкошенный, а Степан, качаясь, стоял,

кричал что-то, потом тоже тяжело повалился на землю...

Тимофей давил и давил крючок. Падали солдаты. Все равно всех бы расстреляли. А он будет жить. Жить! Кончились патроны. Обрушилась тишина...

Офицер засмеялся. Тимофей, растягивая губы в жалкой ухмылке, опустился на землю. Немцы хлестнули автоматными очередями, добывая раненых. Тимофея подняли с земли, подвели к грузовой машине и втолкнули в кузов... Он будет жить.

Хрустнула под ногой Веньки сухая ветка. Аржаков вскочил, увидел мальчика, растерянно ухмыльнулся.

— Вениамин, — делая шаг к мальчику, произнес он. — Захаров... Здравствуй, Вениамин...

Плеснулась в глазах Аржакова беспощадность. Венька метнулся в сторону и побежал. Замелькали перед ним кресты, стволы деревьев, кусты... «Стой!» — услышал он чей-то крик. Венька выбежал на берег речки и, не раздумывая, нырнул с обрыва в омут, долго плыл под водой, а когда, вынырнув, оглянулся, никого не увидел. Венька доплыл до другого берега, ступил на сушу и, как был, мокрый, помчался к деревне.

А Тимофей стоял недалеко от омута и смотрел, как к нему подходил Мирон Евсеич.

— Здорово, Тимофей Сергеич!

— Здравствуй, Мирон.

— В салочки с мальчишкой решил поиграть?

— Угадал.

— В твои-то годы... Не догнал?

— Да разве его догонишь? — с усилием улыбнулся Аржаков.

— Я тебе ору «стой», а ты бежишь. Куда? Зачем?

— Говорю — в салочки.

— Ну ладно, Тимофей Сергеич. Посмеялись — и хватит. Что это у тебя в руке-то? Ну-ка покажь. Покажь, покажь...

— Ты что?! — повысил голос Аржаков. — Занимайся своим делом! Ты что?!

— А я своим делом и занимаюсь, Тимофей Сергеич. Ты уж покажь.

Тимофей Сергеевич вдруг рассмеялся, поднял с земли несколько камней и, бросая их в воду, пошел к мосту. Мирон Евсеич пошел следом. Один из камней Аржаков швырнул почти на самую середину омута.

— Дядя Мирон! — закричала подбежавшая Галинка. — Он что-то белое выбросил!

— Вижу, — усмехнулся участковый. — Достанем. Мы не гордые. Правда, Галинка? Ныряй. А ты, Тимофей Сергеич, стой. Стой, говорю! — приказал он, видя, что Аржаков не останавливается. — Не торопись!

Подбежал Валька и, увидев плавающую в омуте Галинку, тоже нырнул в воду.

— Еду, смотрю — «Волга» голубая. Ну, думаю, никак, Тимоха приехал, — говорил Мирон Евсеич, закуривая. — Спрашиваю. Так и есть, Тимоха.

— Я тебе не Тимоха, — остановил милиционера Аржаков. — Ты что, арестовал меня? До свидания!

— Погодь, Тимофей Сергеич, погодь. Пока не арестовал, а там, как говорят, поглядим-посмотрим... Можно и по отчеству. Мы люди не гордые.

На поверхность омута всплыла мятая бумажка. Галинка подплыла, схватила — и быстро к мосту.

— Да-а, Тимофей Сергеич, — говорил участковый. — Всею войну в разведке. И понимаешь, иду к немцам и уж за версту чую офицера. У меня нюх на это дело собачий. Редко рядового приволокешь. Все больше офицерье... Плыви, Галинка, плыви! Валька! Хватит нырять! Дело сделано!

Галинка подала мокрый бумажный комочек участковому, ловко залезла на мост.

— А я помню, как ты с фронта пришел, — выпрямляя

фотографию, вспомнил Мирон Евсеич.— В августе дело было. Где задержался-то?

— Задержали.

— Бывает... В августе дело было,— повторил он.— Ты что, Тимоха, в церкви делал? Какие грехи замаливал? А?— Мирон Евсеич распрямил фотографию.— Смотри ты! Фронт-овик! Ты, случаем, с ним не знаком?

— Пойдем-ка, Мирон, тяпнем по стаканчику,— предложил Аржаков.— Я коньячок привез. Да не какой-нибудь, а армянский. Пять звездочек!

— Богато живешь.— Мирон Евсеич пригляделся к фотографии Савраскина, вытащил другую, сравнил.— Похожи. А, Тимоха?

Аржаков резко шагнул к участковому.

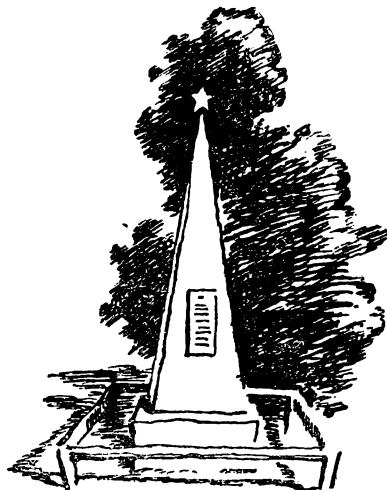
Мирон Евсеич заученным движением схватил Аржакова за руку, сжал, негромко посоветовал:

— Спокойно. Ведь сказал же — всю войну в разведке. И теперь, понимаешь, на посту.— И, суровая, меняясь в лице, приказал ему: — Идем!

А по берегу, со стороны деревни, бежали люди, и впереди всех мчался Венька Захаров.

Через несколько дней библиотекарь Сеня вывесил в клубе две увеличенные фотографии — Степана Ивановича Башарина и Михаила Башарина, отца и сына. Вывесил он их на стене, где находились портреты погибших. Пришла Настасья Башарина, долго смотрела на портреты, тихо плакала и вытирала слезы большим белым платком. Венька, Валька и Галинка видели Настасью через окно клуба. А когда Настасья вышла, они незаметно проводили ее до избы.

Был сентябрьский пасмурный день. Бежали по небу большие тучи, дул ветер, шевеля, выбивая из-под платка седые Настасьины волосы.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава первая.</i> Письмо	3
<i>Глава вторая.</i> В городе	12
<i>Глава третья.</i> Колокольня	25
<i>Глава четвертая.</i> «Дневник Михаила Башарина»	42
<i>Глава пятая.</i> Коля Однорукий	55
<i>Глава шестая.</i> Василий Васильевич	67
<i>Глава седьмая.</i> На кладбище	87

Для среднего возраста

Борис Николаевич Шустров

КРАСНО СОЛНЫШКО

ИБ № 2630

Ответственный редактор *З. С. Карманова*

Художественный редактор *В. А. Горячева*

Технический редактор *Л. С. Стёпина*

Корректоры . . . . .

Э. Л. Лифенфельд и Н. Г. Худякова

Сдано в набор 17/III 1978 г. Подписано к печати 27/VII 1978 г. А00520. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 4,22. Тираж 75 000 экз. Заказ № 2268. Цена 30 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суховский вал, 49.

1000

56032

27

100

23/2

30 коп.

